

Т.Г. Артамонова

ЛИТЕРАТУРА АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА

Хрестоматия

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»

Т.Г. Артамонова

ЛИТЕРАТУРА АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА

Хрестоматия

Курган 2019

УДК 82.09

ББК 83.3 (Великобритания)5я73

А 86

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
ГАОУ ДПО ИРОСТ **Е.Е. Иванова;**

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дис-
циплин ФГОУ ВО «Курганская ГСХА имени Т.С. Мальцева»
Н.Е. Украинцева.

Артамонова Т. Г.

Литература английского романтизма : хрестоматия. – Курган : Изд-во
Курганского гос. ун-та, 2019. – 144 с.

В хрестоматию «Литература английского романтизма» вошли тексты произведений, изучаемых на занятиях по дисциплине «История мировой (зарубежной) литературы (английская и американская литература)», принадлежащих перу английских романтиков XIX века: Уильяма Блейка, Уильяма Вордсворта, Сэмюэла Тейлора Кольриджа, Джорджа Гордона Байрона, Перси Биши Шелли, Джона Китса, Вальтера Скотта. Хрестоматия включает тексты романтических произведений таких жанров, как лирическое стихотворение, поэтический цикл, баллада, поэма, мистерия, исторический роман, а также краткий анализ идейно-художественного своеобразия творчества английских романтиков. Хрестоматия предназначена для преподавателей истории мировой (зарубежной) литературы, студентов, обучающихся по направлениям 45.03.01 «Филология» (направленность «Зарубежная филология»), 44.03.01 «Педагогическое образование» (направленность «Иностранный язык»), 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» (направленность «Иностранные языки»). Пособие содержит оригинальные тексты произведений английской романтической литературы и их версии на русском языке, созданные мастерами художественного перевода.

ISBN 978-5-4217-0489-8

© Курганский
государственный
университет, 2019

© Артамонова Т.Г., 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Уильям Блейк (William Blake)	7
Песни Невинности (Songs of Innocence). Holy Thursday	8
Святой четверг (перевод С. Степанова)	8
The Chimney Sweeper	9
Маленький трубочист (перевод С. Степанова)	10
Песни Опыта (Songs of Experience). Holy Thursday	11
Святой четверг (перевод С. Степанова)	12
The Chimney Sweeper	12
Маленький трубочист (перевод С. Степанова)	13
The Tiger	13
Тигр (перевод С. Степанова)	14
Уильям Вордсворт (William Wordsworth)	16
The Last of the Flock	16
Последний из стада (перевод Ю. Даниэля)	20
Lines Composed a Few Miles above Tintern Abbey	24
Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства (перевод В. Рогова)	26
Lucy poems	29
Люси (перевод С. Маршака и Г. Иванова)	33
Sonnet Written in London, September, 1802	36
Англия, 1802 (перевод В. Левика)	37
London, 1802	38
Лондон, 1802 (перевод В. Топорова)	38
To Toussaint L'Ouverture	39
Туссену Лувертюру (перевод А. Ибрагимова)	39
Сэмюэл Тейлор Кольридж (Samuel Taylor Coleridge)	40
France: An Ode (extracts)	40
Франция. Ода (отрывки, перевод М. Лозинского)	42
The Rime of the Ancient Mariner. Part the fourth	43
Сказание о старом мореходе. Часть четвертая (перевод Н. Гумилёва)	46
Джордж Гордон Байрон (George Gordon Byron)	50
I would I were a careless child	51
Хочу я быть ребенком вольным (перевод К. Бальмонта)	52

An ode to the framers of the frame bill	54
Ода авторам билля, направленного против разрушителей станков (перевод О. Чюминой).....	55
The Giaour (extract).....	56
Гяур (отрывок, перевод С. Ильина).....	58
Vision of Belshazzar.....	61
Видение Валтасара (перевод О. Чюминой).....	63
Stanzas To Augusta	65
Стансы к Августе (Когда сгустилась мгла кругом) (перевод В. Левика)	66
Prometheus	68
Прометей (перевод В. Луговского)	70
Darkness	72
Тьма (перевод И. Тургенева)	74
Manfred (extract)	77
Манфред (отрывок, перевод И. Бунина)	80
Childe Harold's Pilgrimage (extract)	82
Паломничество Чайльд-Гарольда (отрывок, перевод В. Левика)	83
Cain (extract)	84
Каин (отрывок, перевод И. Бунина)	86
Don Juan (extract)	88
Дон Жуан (отрывок, перевод Т. Гнедич)	90
On This Day I Complete My Thirty-Sixth Year	91
В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет (перевод Игн. Ивановского)	93
Перси Биши Шелли (Percy Bysshe Shelley)	95
Mutability	95
Изменчивость (перевод В. Левика)	96
To The Men Of England.....	97
Мужам Англии (перевод С. Маршака)	98
Ode to the West Wind (extracts)	99
Ода западному ветру (отрывки, перевод Б. Пастернака)	101
The Cloud (extracts)	103
Облако (отрывки, перевод В. Левика)	104
Ode to a Skylark (extracts)	105

Жаворонок (отрывки, перевод В. Левика)	106
When the lamp is shattered	108
Разобьется лампада (перевод Б. Пастернака)	109
Джон Китс (John Keats)	111
On Pease	112
К миру (перевод В. Левика)	112
To Byron	113
К Байрону (перевод В. Левика)	113
To Chatterton	114
К Чаттертону (перевод В. Левика)	114
Happy Is England!	115
Как Англия прекрасна! (перевод Г. Бена)	115
On the Grasshopper and Cricket	116
Кузнечик и сверчок (перевод С. Маршака)	117
To Kosciusko	117
К Костюшко (перевод В. Левика)	118
Robin Hood	118
Робин Гуд (перевод В. Микушевича)	120
To the Nile	122
К Нилу (перевод В. Рогова)	123
Written in the cottage in which Burns was born, at Ayr, Scotland	123
Стихи, написанные в Шотландии, в домике Роберта Бернса (перевод С. Маршака)	124
A Thing of Beauty (Endymion)	124
Прекрасное пленяет навсегда... (перевод Б. Пастернака)	125
Ode On A Grecian Urn	126
Ода к греческой вазе (перевод В. Комаровского)	127
Вальтер Скотт (Walter Scott)	130
<i>Ivanhoe. Chapter VIII</i>	131
Айвенго. Глава VIII (перевод Е. Бекетовой)	134
Библиографический список	138

ВВЕДЕНИЕ

Английский романтизм – яркое явление в мировой литературе, отразившее особенности духовного сознания общества в период и после Великой французской революции 1789–1799 годов: конфликт мечты и действительности, стремление к изменению социального бытия.

Хрестоматия содержит наиболее значительные произведения английской романтической литературы конца XVIII – начала XIX века, анализируемые на лекциях и практических занятиях по дисциплине «История мировой (зарубежной) литературы (английская и американская литература)». Поэзия и проза выдающихся английских романтиков: Уильяма Блейка, Уильяма Вордсворта, Сэмюэла Тейлора Кольриджа, Джорджа Гордона Байрона, Перси Биши Шелли, Джона Китса, Вальтера Скотта – представлены как на языке оригинала, так и в переводах лучших российских поэтов и писателей-переводчиков. В издание вошли тексты произведений таких жанров, как лирическое стихотворение, поэтический цикл, баллада, философско-драматическая, лиро-эпическая и эпическая поэма, мистерия, исторический роман, созданные в соответствии с идейно-эстетическими принципами «озёрной школы», революционного романтизма, лондонских романтиков. В начале разделов даётся краткая характеристика мировоззрения и творчества выдающихся английских романтиков, идейных и художественных особенностей их произведений. Хрестоматия предназначена для преподавателей и студентов, обучающихся по направлениям 45.03.01 «Филология» (направленность «Зарубежная филология»), 44.03.01 «Педагогическое образование» (направленность «Иностранный язык»), 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» (направленность «Иностранные языки»), а также для всех любителей английской литературы и романтической поэзии и прозы. Рекомендуются использовать издание на занятиях по дисциплинам «История мировой (зарубежной) литературы (английская и американская литература)», «Введение в литературоведение», «Лингвистика текста», «Филологический анализ», «Теория литературы», а также при выполнении выпускных квалификационных работ.

Уильям Блейк
(William Blake, 1757–1827)

Уильям Блейк является родоначальником романтизма в английской литературе. Поэт был приверженцем Библии, но противником всех форм организованной религии, Церкви Англии. Уильям Блейк испытывал влияние революционных идей современности, его произведениям, отличающимся философской и мистической глубиной, свойствен дух протеста. Поэт не приемлет рабства, нищеты, страданий человечества.

В лирических циклах «Песни невинности» и «Песни опыта» Уильям Блейк запечатлел противоположные состояния человеческой души – радость приятия мира в его изначальной гармонии и красоте и душевную боль при виде бедности, социальной несправедливости. В произведениях поэта-романтика много символики. Образы детей символизируют простой народ Англии, которому сочувствует автор. Тигр в одноимённом стихотворении становится символом зла, торжествующего в социальном мире.

Песни Невинности
Songs of Innocence

Holy Thursday

Tw'as on a Holy Thursday their innocent faces clean
The children walking two & two in red & blue & green
Grey headed beadles walk'd before with wands as white
as snow
Till into the high dome of Pauls they like Thames waters
flow

O what a multitude they seem'd these flowers of
London town
Seated in companies they sit with radiance all their own
The hum of multitudes was there but multitudes of lambs
Thousands of little boys & girls raising their innocent
hands

Now like a mighty wind they raise to heaven the voice
of song
Or like harmonious thunderings the seats of heaven
among
Beneath them sit the aged men wise guardians
of the poor
Then cherish pity; lest you drive an angel from
your door
(1789)

Святой четверг

И вот настал Святой Четверг – колонною несметной
Шагают дети парами в одежде разноцветной.
К Святому Павлу их ведут наставники седые
Как будто Темза потекла под купола святые.

О сколько, Лондон, ты таишь цветов дикорастущих,
В невинных личиках своих сияние несущих!
И гул под сводами стоит – то агнцы Бога просят
И тысячи невинных рук они горе возносят.

Единым духом, словно вихрь, взмывает песнопенье
И словно дружный гром, грядет в Небесные Владенья!
А вы, заступники сирот, добро свое творите
Стучащегося ангела с порога не гоните.

(Перевод С. Степанова)

The Chimney Sweeper

When my mother died I was very young,
And my father sold me while yet my tongue,
Could scarcely cry weep weep weep weep.
So your chimneys I sweep & in soot I sleep.

Theres little Tom Dacre, who cried when his head
That curi'd like a lambs back, was shav'd, so I said,
Hush Tom never mind it, for when your head's bare,
You know that the soot cannot spoil your white hair.

And so he was quiet, & that very night,
As Tom was a sleeping he had such a sight,
That thousands of sweepers Dick, Joe, Ned & Jack
Were all of them lock'd up in coffins of black,

And by came an Angel who had a bright key,
And he open'd the coffins & set them all free.
Then down a green plain leaping laughing they run
And wash in a river and shine in the Sun.

Then naked & white, all their bags left behind,
They rise upon clouds, and sport in the wind.
And the Angel told Tom, if he'd be a good boy,
He'd have God for his father & never want joy.

And so Tom awoke and we rose in the dark
And got with our bags & our brushes to work.
Tho' the morning was cold, Tom was happy & warm.
So if all do their duty, they need not fear harm.

(1789)

Маленький трубочист

Когда я еще начинал лепетать,
Ушла навсегда моя бедная мать
Отец меня продал, – я сажу скребу
И черную вам прочищаю трубу.

Заплакал обстриженный наголо Том.
Его я утешил: «Не плачь, ведь зато,
Покуда кудрями опять не оброс,
Не сможет и сажа испачкать волос».

Затих и уснул он, приткнувшись к стене,
И ночью привиделись Тому во сне
Гробы на поляне – и их миллион,
А в них трубочисты – такие, как он.

Но Ангел явился в сиянии крыл
И лучиком света гробы отворил.
И к речке помчалась ватага детей,
Чтоб сажу в воде оттереть поскорей.

Мешки побросав и резвясь на ветру,
Затеяли в облаке белом, игру.
Сказал Тому Ангел: «Будь чистым душой!
И Бог, как отец, встанет рядом с тобой».

Со всеми во тьме пробудился наш Том,
Со всеми за щетку с тяжелым мешком –
И утром промозглым согрет трубочист:
Трудящийся честно пред Господом чист.

(Перевод С. Степанова)

Песни Опыта
Songs of Experience

Holy Thursday

Is this a holy thing to see,
In a rich and fruitful land,
Babes reduced to misery,
Fed with cold and usurous hand?

Is that trembling cry a song?
Can it be a song of joy?
And so many children poor?
It is a land of poverty!

And their sun does never shine.
And their fields are bleak & bare,
And their ways are fil'd with thorns
It is eternal winter there.

For where-e'er the sun does shine,
And where-e'er the rain does fall:
Babe can never hunger there,
Nor poverty the mind appall.

(1794)

Святой четверг

Благое ль дело на земле
Богатой, плодородной
Смотреть, как детям подает
Богач с душой холодной?

Не славу вносит этот хор
Не с радости поющих –
Здесь тыщи маленьких сирот!
Здесь Царство Вопиющих!

Здесь солнца луч не светит им,
Здесь их терзает голод,
Здесь тропы терниев полны
И вечен лютый холод.

А где земля под солнышком
И дождиком полита,
Дитя не может голодать
И Нищета забыта!

(Перевод С. Степанова)

The Chimney Sweeper

A little black thing among the snow:
Crying weep, weep, in notes of woe!
Where are thy father & mother? say?
They are both gone up to the church to pray.

Because I was happy upon the heath,
And smil'd among the winters snow;
They clothed me in the clothes of death,
And taught me to sing the notes of woe.

And because I am happy, & dance & sing,
They think they have done me no injury:
And are gone to praise God & his Priest & Kingj
Who make up a heaven of our misery.
(1794)

Маленький трубочист

Весь в саже на белом снегу он маячит.
«Почищу! Почищу!» – кричит, словно плачет.
«Куда подевались отец твой и мать?»
«Ушли они в церковь псалмы распевать.

Затем, что я пел по весне, словно птица,
И был даже в зимнюю пору счастлив,
Заставили в саван меня обрядиться
И петь научили на грустный мотив.

Затем, что я снова пляшу и пою,
Спокойно родители в церковь ушли
И молятся Богу, Святым, Королю,
Что Небо на наших слезах возвели».

(Перевод С. Степанова)

The Tiger

Tyger Tyger, burning bright,
In the forests of the night;
What immortal hand or eye,
Could frame thy fearful symmetry?

In what distant deeps or skies,
Burnt the fire of thine eyes?
On what wings dare he aspire?
What the hand, dare sieze the fire?

And what shoulder, & what art,
Could twist the sinews of thy heart?
And when thy heart began to beat,
What dread hand? & what dread feet?

What the hammer? what the chain,
In what furnace was thy brain?
What the anvil? what dread grasp,
Dare its deadly terrors clasp?

When the stars threw down their spears
And water'd heaven with their tears:
Did he smile his work to see?
Did he who made the Lamb make thee?

Tyger Tyger burning bright,
In the forests of the night:
What immortal hand or eye,
Dare frame thy fearful symmetry?

(1794)

Тигр

Тигр, о Тигр, в кромешный мрак
Огненный вперивший зрак!
Кто сумел тебя создать?
Кто сумел от тьмы отъять?

Из пучины иль с небес
Вырван огонь твоих очес?

Кто к огню простер крыла?
Чья десница унесла?

Кто узлом железных жил
Твое сердце напружил?
Кто слышал, как дик и яр
Первый бешеный удар?

Кто ужасный млат вздымал?
Кто в клещах твой мозг сжимал?
А когда сошел на нет
Предрассветный звездный свет —

Неужели был он рад.
Встретив твой зловещий взгляд?
Неужели это был
Тот, кто Агнца сотворил?

Тигр, о Тигр, в кромешный мрак
Огненный вперивший зрак!
Кто посмел тебя создать?
Кто посмел от тьмы отъять?

(Перевод С. Степанова)

Уильям Вордсворт
(William Wordsworth, 1770–1850)

Уильям Вордсворт – поэт-лейкист, представитель «озёрной школы» в литературе английского романтизма. Поэт выступает против духовной деградации общества, отстаивая идеалы правды и свободы. Уильям Вордсворт воспеваёт доблесть и мужество современников, героически служивших высоким идеалам. Певец сельской Англии, Уильям Вордсворт поднимает такие темы, как судьба людей труда, отношения человека с природой, любовь к родине. Образ родины в поэзии поэта-лейкиста сливается с образами всегда прекрасной природы и девушки – возлюбленной лирического героя.

The Last of the Flock

I

In distant countries have I been,
And yet I have not often seen
A healthy man, a man full grown,
Weep in the public roads, alone.
But such a one, on English ground,
And in the broad highway, I met;
Along the broad highway he came,

His cheeks with tears were wet:
Sturdy he seemed, though he was sad;
And in his arms a Lamb he had.

II

He saw me, and he turned aside,
As if he wished himself to hide:
And with his coat did then essay
To wipe those briny tears away.
I followed him, and said, "My friend,
What ails you? wherefore weep you so?"
-"Shame on me, Sir! this lusty Lamb,
He makes my tears to flow.
To-day I fetched him from the rock;
He is the last of all my flock.

III

"When I was young, a single man,
And after youthful follies ran,
Though little given to care and thought,
Yet, so it was, an ewe I bought;
And other sheep from her I raised,
As healthy sheep as you might see;
And then I married, and was rich
As I could wish to be;
Of sheep I numbered a full score,
And every year increased my store.

IV

"Year after year my stock it grew;
And from this one, this single ewe,
Full fifty comely sheep I raised,
As fine a flock as ever grazed!

Upon the Quantock hills they fed;
They throve, and we at home did thrive:
– This lusty Lamb of all my store
Is all that is alive;
And now I care not if we die,
And perish all of poverty.

V

"Six Children, Sir! had I to feed:
Hard labour in a time of need!
My pride was tamed, and in our grief
I of the Parish asked relief.
They said, I was a wealthy man;
My sheep upon the uplands fed,
And it was fit that thence I took
Whereof to buy us bread.
'Do this: how can we give to you,'
They cried, 'what to the poor is due?'

VI

"I sold a sheep, as they had said,
And bought my little children bread,
And they were healthy with their food
For me-it never did me good.
A woeful time it was for me,
To see the end of all my gains,
The pretty flock which I had reared
With all my care and pains,
To see it melt like snow away –
For me it was a woeful day.

VII

"Another still! and still another!
A little lamb, and then its mother!

It was a vein that never stopped-
Like blood drops from my heart they dropped.
'Till thirty were not left alive
They dwindled, dwindled, one by one
And I may say, that many a time
I wished they all were gone –
Reckless of what might come at last
Were but the bitter struggle past.

VIII

"To wicked deeds I was inclined,
And wicked fancies crossed my mind;
And every man I chanced to see,
I thought he knew some ill of me:
No peace, no comfort could I find,
No ease, within doors or without;
And, crazily and wearily
I went my work about;
And oft was moved to flee from home,
And hide my head where wild beasts roam.

IX

"Sir! 'twas a precious flock to me
As dear as my own children be;
For daily with my growing store
I loved my children more and more.
Alas! it was an evil time;
God cursed me in my sore distress;
I prayed, yet every day I thought
I loved my children less;
And every week, and every day,
My flock it seemed to melt away.

X

"They dwindled, Sir, sad sight to see!
From ten to five, from five to three,
A lamb, a wether, and a ewe; –
And then at last from three to two;
And, of my fifty, yesterday
I had but only one:
And here it lies upon my arm,
Alas! and I have none; –
To-day I fetched it from the rock;
It is the last of all my flock."

(1798)

Последний из стада

I

Прошла в скитаньях жизнь моя,
Но очень редко видел я,
Чтобы мужчина, полный сил,
Так безутешно слезы лил,
Как тот, какого повстречал
Я на кругах родной земли:
Он по дороге шел один,
И слезы горькие текли.
Он шел, не утирая слез,
И на плечах ягненка нес.

II

Своею слабостью смущен,
Стыдясь, отворотился он,
Не смея поглядеть в упор,
И рукавом глаза утер.
– Мой друг, – сказал я, – что с тобой?

О чем ты? Что тебя гнетет?
– Заставил плакать, добрый сэр,
Меня ягненок этот вот,
Последний, – с нынешнего дня
Нет больше стада у меня...

III

Я смолоду беспечен был;
Но, образумившись, купил
Овцу – не зная, есть ли прок
В таких делах, но в должный срок
Моя овца, на радость мне,
Хороших принесла ягнят;
Желания мои сбылись –
Женился я и стал богат.
Плодились овцы; что ни год
Со стадом вместе рос доход.

IV

От лета к лету время шло,
И все росло овец число,
И вот их стало пятьдесят,
Отборных маток и ягнят!
Для них был раем горный луг,
Для нас был раем наш очаг...
Один ягненок уцелел –
Его несу я на плечах,
И пусть нам сгинуть суждено
От нищеты – мне все равно.

V

Я шестерых детей кормил,
На это не хватало сил

В неурожайный, горький год –
Я попросил помочь приход.
А мне сказали: «Ты богат –
Богатство на лугу твоём,
А хочешь хлеба – обходись
Своим нетронутым добром.
Приходский хлеб – для бедноты,
Его просить не смеешь ты!»

VI

Овцу я продал, и моя
Досыта стала есть семья,
Окрепли дети – мне ж кусок
И горек был, и шел не впрок.
Настала страшная пора,
Смятение вошло в мой дом:
Овечье стадо – мой оплот,
Моим же созданный трудом, –
Как снег растаяло, и нас
Настиг беды и скорби час.

VII

Еще овца, еще одна
Покинуть пастбище должна!
И каждая из них была
Как капля крови. Кровь текла
Из ран моих – вот так пустел
Мой луг, и сколько там в живых,
Я не считал – я лишь мечтал,
Чтоб не осталось вовсе их,
Чтоб волю дать судьбе слепой,
Чтоб кончить горький этот бой!

VIII

Я замкнут стал, я стал угрюм,
Мутился ум от черных дум,
В грехах подозревал я всех
И сам способен стал на грех.
Печален дом, враждебен мир,
И навсегда ушел покой,
Устало к своему концу
Я шел, охваченный тоской;
Порой хотелось бросить дом
И жить в чащобах, со зверьем.

IX

Таких овец не видел свет,
Цены им не было и нет;
Клянусь, я поровну любил
Детей – и тех, кто их кормил, –
Моих овец... И вот, молясь,
Я думал, что, наверно, Бог
Карал за то, что больше я
Своих детей любить бы мог...
Редело стадо с каждым днем,
Овец все меньше было в нем.

X

Все горше было их считать!
Вот их пятнадцать, десять, пять,
Их три, – уж близко до конца! –
Ягненок, валух и овца...
Из стада в пятьдесят голов
Один остался, да и тот,
Оставшийся, из рук моих
В чужие руки перейдет,
Последний, – с нынешнего дня
Нет больше стада у меня...

(Перевод Ю. Даниэля)

Lines Composed a Few Miles above Tintern Abbey

Five years have past; five summers, with the length
Of five long winters! and again I hear
These waters, rolling from their mountain-springs
With a soft inland murmur. – Once again
Do I behold these steep and lofty cliffs,
That on a wild secluded scene impress
Thoughts of more deep seclusion; and connect
The landscape with the quiet of the sky.
The day is come when I again repose
Here, under this dark sycamore, and view
These plots of cottage-ground, these orchard-tufts,
Which at this season, with their unripe fruits,
Are clad in one green hue, and lose themselves
'Mid groves and copses. Once again I see
These hedge-rows, hardly hedge-rows, little lines
Of sportive wood run wild: these pastoral farms,
Green to the very door; and wreaths of smoke
Sent up, in silence, from among the trees!
With some uncertain notice, as might seem
Of vagrant dwellers in the houseless woods,
Or of some Hermit's cave, where by his fire
The Hermit sits alone.
These beauteous forms,
Through a long absence, have not been to me
As is a landscape to a blind man's eye:
But oft, in lonely rooms, and 'mid the din
Of towns and cities, I have owed to them
In hours of weariness, sensations sweet,
Felt in the blood, and felt along the heart;
And passing even into my purer mind,
With tranquil restoration
...oh! how oft –
In darkness and amid the many shapes
Of joyless daylight; when the fretful stir

Unprofitable, and the fever of the world,
Have hung upon the beatings of my heart –
How oft, in spirit, have I turned to thee,
O sylvan Wye! thou wanderer thro' the woods,
How often has my spirit turned to thee!
And now, with gleams of half-extinguished thoughts
With many recognitions dim and faint,
And somewhat of a sad perplexity,
The picture of the mind revives again:
While here I stand, not only with the sense
Of present pleasure, but with pleasing thoughts
That in this moment there is life and food
For future years. And so I dare to hope,
Though changed, no doubt, from what I was when first
I came among these hills; when like a roe
I bounded o'er the mountains, by the sides
Of the deep rivers, and the lonely streams,
Wherever nature led; more like a man
Flying from something that he dreads, than one
Who sought the thing he loved. For nature then
(The coarser pleasures of my boyish days,
And their glad animal movements all gone by)
To me was all in all. – I cannot paint
What then I was. The sounding cataract
Haunted me like a passion: the tall rock,
The mountain, and the deep and gloomy wood,
Their colours and their forms, were then to me
An appetite; a feeling and a love,
That had no need of a remoter charm,
By thought supplied, nor any interest
Unborrowed from the eye. – That time is past,
And all its aching joys are now no more,
And all its dizzy raptures. Not for this
Faint I, nor mourn nor murmur; other gifts
Have followed; for such loss, I would believe,
Abundant recompence. For I have learned

To look on nature, not as in the hour
Of thoughtless youth; but hearing often-times
The still, sad music of humanity,
Nor harsh nor grating, though of ample power
To chasten and subdue. And I have felt
A presence that disturbs me with the joy
Of elevated thoughts; a sense sublime
Of something far more deeply interfused,
Whose dwelling is the light of setting suns,
And the round ocean and the living air,
And the blue sky, and in the mind of man;
A motion and a spirit, that impels
All thinking things, all objects of all thought,
And rolls through all things. Therefore am I still
A lover of the meadows and the woods,
And mountains; and of all that we behold
From this green earth; of all the mighty world
Of eye, and ear, – both what they half create,
And what perceive; well pleased to recognise
In nature and the language of the sense,
The anchor of my purest thoughts, the nurse,
The guide, the guardian of my heart, and soul
Of all my moral being.
Nor perchance,
If I were not thus taught, should I the more
Suffer my genial spirits to decay...

(1798)

**Строки, написанные на расстоянии нескольких миль
от Тинтернского аббатства**

Пять лет прошло; зима, сменяя лето,
Пять раз являлась! И опять я слышу
Негромкий рокот вод, бегущих с гор,
Опять я вижу хмурые утесы –
Они в глухом, уединенном месте

Внушают мысли об уединенье
Другом, глубоком, и соединяют
Окрестности с небесной тишиной.
Опять настала мне пора прилечь
Под темной сикоморой и смотреть
На хижины, сады и огороды,
Где в это время года все плоды,
Незрелые, зеленые, сокрыты
Среди густой листвы. Опять я вижу
Живые изгороди, что ползут,
Подобно ответвлениям леса; мызы,
Плющом покрытые; и дым витой,
Что тишина вздымает меж деревьев!
И смутно брезжат мысли о бродягах,
В лесу живущих, или о пещере,
Где у огня сидит отшельник.
Долго
Не видел я ландшафт прекрасный этот,
Но для меня не стал он смутной грезой.
Нет, часто, сидя в комнате унылой
Средь городского шума, был ему я
Обязан в час тоски приятным чувством,
Живящим кровь и в сердце ощутимым,
Что проникало в ум, лишенный скверны,
Спокойным обновлением...
– ах! – как часто
Во тьме, среди обликов многообразных
Безрадостного дня, когда все в мире
Возбуждено бесплодной суетой, –
Как часто я к тебе стремился духом,
Скиталец Уай, текущий в диких чашах,
Как часто я душой к тебе стремился.
А ныне, при мерцанье зыбких мыслей,
В неясной дымке полуузнаванья
И с некоей растерянностью грустной,
В уме картина оживает вновь:

Я тут стою, не только ощущая
Отраду в настоящем, но отрадно
Мне в миге этом видеть жизнь и пищу
Грядущих лет. Надеяться я смею,
Хоть я не тот, каким я был, когда,
Попав сюда впервые, словно лань,
Скитался по горам, по берегам
Глубоких рек, ручьев уединенных,
Куда вела природа; я скорее
Напоминал того, кто убегает
От страшного, а не того, кто ищет
Отрадное. Тогда была природа
(В дни низменных, мальчишеских утех,
Давно прошедших бешеных восторгов)
Всем для меня. Я описать не в силах
Себя в ту пору. Грохот водопада
Меня преследовал, вершины скал,
Гора, глубокий и угрюмый лес –
Их очертанья и цвета рождали
Во мне влечение – чувство и любовь,
Которые чуждались высших чар,
Рожденных мыслью, и не обольщались
Ничем незримым. – Та пора прошла,
И больше нет ее утех щемящих,
Ее экстазов буйных. Но об этом
Я не скорблю и не ропщу: взамен
Я знал дары иные, и обильно
Возмещены потери. Я теперь
Не так природу вижу, как порой
Бездумной юности, но часто слышу
Чуть слышную мелодию людскую
Печальную, без грубости, но в силах
Смирять и подчинять. Я ощущаю
Присутствие, палящее восторгом,
Высоких мыслей, благостное чувство
Чего-то, проникающего вглубь,

Чье обиталище – лучи заката,
И океан, и животворный воздух,
И небо синее, и ум людской –
Движение и дух, что направляет
Все мыслящее, все предметы мыслей,
И все пронизывает. Потому-то
Я до сих пор люблю леса, луга
И горы – все, что на земле зеленой
Мы видеть можем; весь могучий мир
Ушей и глаз – все, что они приметят
И полусоздадут; я рад признать
В природе, в языке врожденных чувств
Чистейших мыслей якорь, пристань сердца,
Вожатого, наставника и душу
Природы нравственной моей.
Быть может,
Не знай я этого, мой дух в упадок
Прийти бы мог...

(Перевод В. Рогова)

Lucy poems

I

Strange fits of passion have I known:
And I will dare to tell,
But in the Lover's ear alone,
What once to me befell.

When she I loved looked every day
Fresh as a rose in June,
I to her cottage bent my way,
Beneath an evening-moon.

Upon the moon I fixed my eye,
All over the wide lea;

With quickening pace my horse drew nigh
Those paths so clear to me.

And now we reached the orchard-plot;
And, as we climbed the hill,
The sinking moon to Lucy's cot
Came near, and nearer still.

In one of those sweet dreams I slept,
Kind Nature's gentlest boon!
And all the while my eyes I kept
On the descending moon.

My horse moved on; hoof after hoof
He raised, and never stopped:
When down behind the cottage roof,
At once, the bright moon dropped.

What fond and wayward thoughts will slide
Into a Lover's head!
"O mercy!" to myself I cried,
"If Lucy should be dead!"

II

She dwelt among the untrodden ways
Beside the springs of Dove,
A Maid whom there were none to praise
And very few to love:

A violet by a mossy stone
Half hidden from the eye!
— Fair as a star, when only one
Is shining in the sky.

She lived unknown, and few could know
When Lucy ceased to be;
But she is in her grave, and, oh,
The difference to me!

III

I travelled among unknown men,
In lands beyond the sea;
Nor, England! did I know till then
What love I bore to thee.

Tis past, that melancholy dream!
Nor will I quit thy shore
A second time; for still I seem
To love thee more and more.

Among thy mountains did I feel
The joy of my desire;
And she I cherished turned her wheel
Beside an English fire.

Thy mornings showed, thy nights concealed
The bowers where Lucy played;
And thine too is the last green field
That Lucy's eyes surveyed.

IV

Three years she grew in sun and shower,
Then Nature said, "A lovelier flower
On earth was never sown;
This Child I to myself will take;
She shall be mine, and I will make
A Lady of my own.

"Myself will to my darling be
Both law and impulse: and with me
The Girl, in rock and plain
In earth and heaven, in glade and bower,
Shall feel an overseeing power
To kindle or restrain.

"She shall be sportive as the fawn
That wild with glee across the lawn
Or up the mountain springs;
And her's shall be the breathing balm,
And her's the silence and the calm
Of mute insensate things.

"The floating clouds their state shall lend
To her; for her the willow bend;
Nor shall she fail to see
Even in the motions of the Storm
Grace that shall mold the Maiden's form
By silent sympathy.

"The stars of midnight shall be dear
To her; and she shall lean her ear
In many a secret place
Where rivulets dance their wayward round,
And beauty born of murmuring sound
Shall pass into her face.

"And vital feelings of delight
Shall rear her form to stately height,
Her virgin bosom swell;
Such thoughts to Lucy I will give
While she and I together live
Here in this happy dell."

Thus Nature spake – The work was done
How soon my Lucy's race was run!
She died, and left to me
This heath, this calm, and quiet scene;
The memory of what has been,
And never more will be.

V

A slumber did my spirit seal;
I had no human fears:
She seemed a thing that could not feel
The touch of earthly years.

No motion has she now, no force;
She neither hears nor sees;
Rolled round in earth's diurnal course,
With rocks, and stones, and trees.

(1798–1801)

Люси

I

Какие тайны знает страсть!
Но только тем из вас,
Кто сам любви изведаль власть,
Доверю свой рассказ.

Когда, как роза вешних дней,
Любовь моя цвела,
Я на свиданье мчался к ней,
Со мной луна плыла.

Луну я взглядом провожал
По светлым небесам.

А конь мой весело бежал –
Он знал дорогу сам.

Вот наконец фруктовый сад,
Взбегающий на склон.
Знакомый крыши гладкий скат
Луною озарен.

Охвачен сладкой властью сна,
Не слышал я копыт
И только видел, что луна
На хижине стоит,

Копыто за копытом, конь
По склону вверх ступал.
Но вдруг луны погас огонь,
За крышею пропал.

Тоска мне сердце облегла,
Чуть только свет погас.
«Что, если Люси умерла?» –
Сказал я в первый раз.

(Перевод С. Маршака)

II

Среди нехоженных дорог,
Где ключ студеный бил,
Ее узнать никто не мог
И мало кто любил.

Фиалка пряталась в лесах,
Под камнем чуть видна.
Звезда мерцала в небесах
Одна, всегда одна.

Не опечалит никого,
Что Люси больше нет,
Но Люси нет – и оттого
Так изменился свет.

(Перевод С. Маршака)

III

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.

Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона –
Последняя любовь.

В твоих горах уютился дом.
Там девушка жила.
Перед родимым очагом
Твой лен она пряла.

Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.

(Перевод С. Маршака)

IV

Пока не началась моя
Дорога пилигрима,
О Англия, не ведал я,
Как мною ты любима.

Прошел тот грустный сон и вновь
В простор меня не тянет,
Но, кажется, к тебе любовь
Растет не перестанет.

Твои леса, твои луга,
Здесь все, что сердцу свято,
У английского очага
Люси пряла когда-то.

Твое светило грело нас
В дни юности веселой,
И взор Люси в последний раз
Взглянул на эти доли.

(Перевод Г. Иванова)

V

Забывшись, думал я во сне,
Что у бегущих лет
Над той, кто всех дороже мне,
Отныне власти нет.

Ей в колыбели гробовой
Вовеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно.

(Перевод С. Маршака)

Sonnet Written in London, September, 1802

O, friend! I know not which way I must look
For comfort, being, as I am, opprest,
To think that now our life is only drest
For show; mean handy-work of craftsman, cook,

Or groom! – We must run glittering like a brook
In the open sunshine, or we are unblest:
The wealthiest man among us is the best:
No grandeur now in nature or in book
Delights us. Rapine, avarice, expense,
This is idolatry; and these we adore;
Plain living and high thinking are no more:
The homely beauty of the good old cause
Is gone; our peace, our fearful innocence,
And pure religion breathing household laws.
(1802)

Англия, 1802

Скажи, мой друг, как путь найти прямой,
Когда притворство – общая зараза
И делают нам жизнь – лишь для показа –
Портной, сапожник, повар и лакей?

Скользи, сверкай, как в ясный день ручей,
Не то пропал! В цене – богач, пролаза.
Величье – не сюжет и для рассказа,
Оно не тронет нынешних людей.

Стяжательство, грабеж и мотовство –
Кумиры наши, то, что нынче в силе.
Высокий образ мыслей мы забыли.

Ни чистоты, ни правды – все мертво!
Где старый наш святой очаг семейный,
Где прежней веры дух благоговейный?
(Перевод В. Левика)

London, 1802

Milton! thou shouldst be living at this hour;
England hath need of thee: she is a fen
Of stagnant waters: altar, sword, and pen,
Fireside, the heroic wealth of hall and bower;
Have forfeited their ancient English dower
Of inward happiness. We are selfish men;
Oh! raise us up, return to us again;
And give us manners, virtue, freedom, power.
Thy soul was like a Star, and dwelt apart;
Thou hadst a voice whose sound was like the sea:
Pure as the naked heavens, majestic, free,
So didst thou travel on life's common way,
In cheerful godliness; and yet thy heart
The lowliest duties on herself did lay.
(1802)

Лондон, 1802

Нам нужен, Мильтон, – ты! Отчизна ждет.
Трясина дней, стоячее болото
Священника, солдата, рифмоплета,
Пустопорожных мнений и хлопот –
Таков, порвавший с прошлым, этот год,
Поправший нашу праведность. Забота
Лишь о себе к нам ломится в ворота.
Вернись! верни свободу и почет,
Былую доблесть и благу силу.
Ты был звездой, сиявшей с высоты.
Реченья, величавы и просты,
На берег Альбиона набегали,
Как волны, – но послушные кормилу.
Ты понимал и низкие печали.
(Перевод В. Топорова)

To Toussaint L'Ouverture

Toussaint, the most unhappy man of men!
Whether the whistling Rustic tend his plough
Within thy hearing, or thy head be now
Pillowed in some deep dungeon's earless den; –
O miserable Chieftain! where and when
Wilt thou find patience! Yet die not; do thou
Wear rather in thy bonds a cheerful brow:
Though fallen thyself, never to rise again,
Live, and take comfort. Thou hast left behind
Powers that will work for thee; air, earth, and skies;
There's not a breathing of the common wind
That will forget thee; thou hast great allies;
Thy friends are exultations, agonies,
And love, and man's unconquerable mind.

(1807)

Туссену Лувертюру

Несчастнейший из всех людей, Туссен!
Внимаешь ли напевам плугаря,
Уносишься ли мыслью за моря, –
Во мгле, среди глухих тюремных стен, –
Будь тверд, о Вождь, и превозможешь плен!
Поверженный – сражался ты не зря.
Чело твое – как ясная заря,
И знаю: гордый дух твой не согбен.
Все – даже ветра шелестящий лет –
Нашептывает о тебе. Живи!
Сама земля и сам небесный свод –
Великие союзники твои.
Отчаяния горечь, жар любви
И ум – вот непоборный твой оплот.

(Перевод А. Ибрагимова)

Сэмюэл Тейлор Кольридж
(Samuel Taylor Coleridge, 1772–1834)

Сэмюэл Тейлор Кольридж, как и Уильям Вордсворт, представляет «озёрную школу» в английской романтической литературе. В начале своего творческого пути поэт воспевае идеалы свободы и революции, однако к концу жизни революционность Сэмюэла Тейлора Кольриджа сменяется умеренностью взглядов. В философско-символическом «Сказании о старом мореходе» поэт поднимает темы отношений человека с Богом, с миром, созданным Творцом, вины и её искупления. Своеобразие фантастики, символики и аллегорий в тексте делают «Сказание» одним из самых таинственных и загадочных произведений в мировой литературе.

France: An Ode
(extracts)

II

When France in wrath her giant-limbs upreared,
And with that oath, which smote air, earth, and sea,
Stamped her strong foot and said she would be free,
Bear witness for me, how I hoped and feared!

With what a joy my lofty gratulation
Unawed I sang, amid a slavish band:
And when to whelm the disenchanted nation,
Like fiends embattled by a wizard's wand,
The Monarchs marched in evil day,
And Britain joined the dire array;
Though dear her shores and circling ocean,
Though many friendships, many youthful loves
Had swoln the patriot emotion
And flung a magic light o'er all her hills and groves;
Yet still my voice, unaltered, sang defeat
To all that braved the tyrant-quelling lance,
And shame too long delayed and vain retreat!
For ne'er, O Liberty! with partial aim
I dimmed thy light or damped thy holy flame;
But blessed the paeans of delivered France,
And hung my head and wept at Britain's name.

V

The Sensual and the Dark rebel in vain,
Slaves by their own compulsion! In mad game
They burst their manacles and wear the name
Of Freedom, graven on a heavier chain!
O Liberty! with profitless endeavour
Have I pursued thee, many a weary hour;
But thou nor swell'st the victor's strain, nor ever
Didst breathe thy soul in forms of human power.
Alike from all, howe'er they praise thee,
(Nor prayer, nor boastful name delays thee)
Alike from Priestcraft's harpy minions,
And factious Blasphemy's obscener slaves,
Thou speedest on thy subtle pinions,
The guide of homeless winds, and playmate of the waves!
And there I felt thee! – on that sea-cliff's verge,
Whose pines, scarce travelled by the breeze above,

Had made one murmur with the distant surge!
Yes, while I stood and gazed, my temples bare,
And shot my being through earth, sea, and air,
Possessing all things with intensest love,
O Liberty! my spirit felt thee there.

(1798)

Франция. Ода
(отрывки)

II

Когда, восстав в порыве мятежа,
Взгремела Франция, потрясши свет,
И крикнула, что рабства больше нет,
Вы знаете, как верил я, дрожа!
Какие гимны, в радости высокой,
Я пел, бесстрашный, посреди рабов!
Когда ж, стране отмщая одинокой,
Как вызванный волхвами полк бесов,
Монархи шли, в годину зла,
И Англия в их строй вошла,
Хоть милы мне ее заливы,
Хотя любовь и дружба юных лет
Отчизны освятили нивы,
На все ее холмы пролив волшебный свет, —
Мой голос стойко возвещал разгром
Противникам тираноборных стрел,
Мне было больно за родимый дом!
Затем, что Вольность, ты одна всегда
Светила мне, священная звезда;
Я Францию проснувшуюся пел
И за отчизну плакал от стыда.

V

Кто служит чувствам, кто во тьме живет,
Тот вечно раб! Безумец, в диких снах;
Он, раздробив оковы на руках,
Свои колодки волею зовет!
Как много дней, с тоскою неизменной,
Тебе вослед, о Вольность, я летел!
Но ты не там, где власть, твой дух священный
Не веет в персти человеческих дел.
Ты ото всех тебя хвалящих,
Чудясь молитв и песен льстящих,
От тех, что грязнет в суеверьях,
И от кощунства буйственных рабов
Летишь на белоснежных перьях,
Вожатый вольных бурь и друг морских валов!
Здесь я познал тебя, у края скал,
Где стройный бор гуденье хвои
В единый ропот с шумом вод сливал!
Здесь я стоял с открытой головой,
Себя отдав пустыне мировой,
И в этот миг властительной любви
Мой дух, о Вольность, встретился с тобой.

(Перевод М. Лозинского)

The Rime of the Ancient Mariner

Part the fourth

"I fear thee, ancient Mariner!
I fear thy skinny hand!
And thou art long, and lank, and brown,
As is the ribbed sea-sand.

"I fear thee and thy glittering eye,
And thy skinny hand, so brown." –

Fear not, fear not, thou Wedding-Guest!
This body dropt not down.

Alone, alone, all, all alone,
Alone on a wide wide sea!
And never a saint took pity on
My soul in agony.

The many men, so beautiful!
And they all dead did lie:
And a thousand thousand slimy things
Lived on; and so did I.

I looked upon the rotting sea,
And drew my eyes away;
I looked upon the rotting deck,
And there the dead men lay.

I looked to Heaven, and tried to pray:
But or ever a prayer had gusht,
A wicked whisper came, and made
my heart as dry as dust.

I closed my lids, and kept them close,
And the balls like pulses beat;
For the sky and the sea, and the sea and the sky
Lay like a load on my weary eye,
And the dead were at my feet.

The cold sweat melted from their limbs,
Nor rot nor reek did they:
The look with which they looked on me
Had never passed away.

An orphan's curse would drag to Hell
A spirit from on high;

But oh! more horrible than that
Is a curse in a dead man's eye!
Seven days, seven nights, I saw that curse,
And yet I could not die.

The moving Moon went up the sky,
And no where did abide:
Softly she was going up,
And a star or two beside.

Her beams bemoaned the sultry main,
Like April hoar-frost spread;
But where the ship's huge shadow lay,
The charmed water burnt away
A still and awful red.

Beyond the shadow of the ship,
I watched the water-snakes:
They moved in tracks of shining white,
And when they reared, the elfish light
Fell off in hoary flakes.

Within the shadow of the ship
I watched their rich attire:
Blue, glossy green, and velvet black,
They coiled and swam; and every track
Was a flash of golden fire.

O happy living things! no tongue
Their beauty might declare:
A spring of love gushed from my heart,
And I blessed them unaware:
Sure my kind saint took pity on me,
And I blessed them unaware.

The self same moment I could pray;
And from my neck so free
The Albatross fell off, and sank
Like lead into the sea.

(1797-1798)

Сказание о старом мореходе

Часть четвертая

Свадебный Гость боится, что говорит с призраком.

– Ты страшен мне, седой Моряк
С костлявою рукой
Ты темен, как морской песок,
Высокий и худой.

Но Старый Моряк уверяет его, продолжает свою ужасную исповедь.

Страшны горящие глаза,
Костлявая рука, –
«Постой, не бойся, Брачный
Гость!
Не умер я пока.

Одни, один, всегда один,
Один среди зыбей!
И нет святых, чтоб о душе
Припомнили моей.

Он презирает тварей, порожденных затишьем,

Так много молодых людей
Лишились бытия:

А слизких тварей миллион
Живет; а с ними я.

И сердится, зачем они живут, когда столько людей погибло.

Гляжу на гниль кишащих вод
И отвожу мой взгляд;
Гляжу на палубу потом,
Там мертвецы лежат.

Гляжу на небо и мольбу
Пытаюсь возносить,
Но раздается страшный звук,
Чтоб сердце мне сушить.

Когда же веки я сомкну,
Зрачков ужасен бой,
Небес и вод, небес и вод
Лежит на них тяжелый гнет,
И трупы под ногой.

Но проклятье ему видно в глазах мертвецов.

Холодный пот с лица их льет,
Но тленье чуждо им,
И взгляд, каким они глядят,
Навек неотвратим.

Сирот проклятье с высоты
Свергает духа в ад;
Но, ах! Проклятье мертвых глаз
Ужасней во сто крат!
Семь дней и семь ночей пред ним
Я умереть был рад.

Подвижный месяц поднялся
И поплыл в синеве:
Он тихо плыл, а рядом с ним
Одна звезда, иль две.

Была в лучах его бела,
Как иней, глубина;
Но там, где тень от корабля
Легла, там искрилась струя
Убийственно-красна.

При свете месяца он в полной тишине видит божьих тварей.

Где тени не бросал корабль,
Я видел змей морских:
Они неслись лучам вослед,
Вставали на дыбы, и свет
Был в клочьях снеговых.

Где тени не бросал корабль,
Наряд их видел я, –
Зеленый, красный, голубой.
Они скользили над водой,
Там искрилась струя.

Их красота и их счастье.

Они живыми были! Как
Их прелесть описать!
Весна любви вошла в меня,

Он благословляет их в сердце своем.

Я стал благословлять:
Святой мой пожалел меня,
Я стал благословлять.

Чары начинают спадать.

Я в этот миг молиться мог:
И с шеи, наконец,
Сорвавшись, канул Альбатрос
В пучину, как свинец".

(Перевод Н. Гумилёва)

Джордж Гордон Байрон
(George Gordon Byron, 1788–1824)

Джордж Гордон Байрон – революционный романтик, один из наиболее ярких представителей романтизма в английской и мировой литературе. Основные темы творчества поэта: стремление к свободе и борьба за её достижение, отношения личности и общества, осмысление противоречий земного бытия, утверждение любви как высшей жизненной ценности. Герой поэзии Джорджа Гордона Байрона – неприкаянный скиталец, странник, порвавший с лицемерным обществом и видящий смысл жизни в любви и в борьбе за торжество идеалов свободы и гуманизма. В творчестве поэта-романтика отражены противоречия его сознания, идейно-эстетической позиции: приветствие общенародного единения в стремлении к освобождению от тирании и индивидуалистические настроения, мечта о торжестве идеала свободы и «мировая скорбь», признание классицистической строгости и ясности и склонность к изображению неясных и сложных чувств, владеющих душой героя, испытание действительности как разумом, так и романтической иронией.

* * *

1

I would I were a careless child,
Still dwelling in my Highland cave,
Or roaming through the dusky wild,
Or bounding o'er the dark blue wave;
The cumbrous pomp of Saxon pride,
Accords not with the freeborn soul,
Which loves the mountain's craggy side,
And seeks the rocks where billows roll.

2

Fortune! take back these cultur'd lands,
Take back this name of splendid sound!
I hate the touch of servile hands,
I hate the slaves that cringe around:
Place me among the rocks I love,
Which sound to Ocean's wildest roar;
I ask but this — again to rove
Through scenes my youth hath known before.

3

Few are my years, and yet I feel
The World was ne'er design'd for me:
Ah! why do dark'ning shades conceal
The hour when man must cease to be?
Once I beheld a splendid dream,
A visionary scene of bliss;
Truth! — wherefore did thy hated beam
Awake me to a world like this?

4

I lov'd — but those I lov'd are gone;
Had friends — my early friends are fled:
How cheerless feels the heart alone,
When all its former hopes are dead!
Though gay companions, o'er the bowl
Dispel awhile the sense of ill;
Though Pleasure stirs the maddening soul,
The heart — the heart — is lonely still.

5

How dull! to hear the voice of those
 Whom Rank or Chance, whom Wealth or Power,
 Have made, though neither friends nor foes,
 Associates of the festive hour.
 Give me again a faithful few,
 In years and feelings still the same,
 And I will fly the midnight crew,
 Where boist'rous Joy is but a name.

6

And Woman, lovely Woman! thou,
 My hope, my comforter, my all!
 How cold must be my bosom now,
 When e'en thy smiles begin to pall!
 Without a sigh would I resign,
 This busy scene of splendid Woe,
 To make that calm contentment mine,
 Which Virtue knows, or seems to know.

7

Fain would I fly the haunts of men –
 I seek to shun, not hate mankind;
 My breast requires the sullen glen,
 Whose gloom may suit a darken'd mind.
 Oh! that to me the wings were given,
 Which bear the turtle to her nest!
 Then would I cleave the vault of Heaven,
 To flee away, and be at rest.

(1807)

* * *

Хочу я быть ребенком вольным
 И снова жить в родных горах,
 Скитаться по лесам раздольным,
 Качаться на морских волнах.
 Не сжиться мне душой свободной
 С саксонской пышной суетой!

Милее мне над зыбью водной
Утес, в который бьет прибой!

Судьба! возьми назад щедроты
И титул, что в веках звучит!
Жить меж рабов – мне нет охоты,
Их руки пожимать – мне стыд!
Верни мне край мой одичалый,
Где знал я грезы ранних лет,
Где реву Океана скалы
Шлют свой бестрепетный ответ!

О! Я не стар! Но мир, бесспорно,
Был сотворен не для меня!
Зачем же скрыты тенью черной
Приметы рокового дня?
Мне прежде снился сон прекрасный,
Виденье дивной красоты...
Действительность! ты речью властной
Разогнала мои мечты.

Кто был мой друг – в краю далеком,
Кого любил – тех нет со мной.
Уныло в сердце одиноком,
Когда надежд исчезнет рой!
Порой над чашами веселья
Забудусь я на краткий срок...
Но что мгновенный бред похмелья!
Я сердцем, сердцем – одинок!

Как глупо слушать рассужденья –
О, не друзей и не врагов! –
Тех, кто по прихоти рожденья
Стал сотоварищем пиров.
Верните мне друзей заветных,
Деливших трепет юных дум,

И брошу оргий дорассветных
Я блеск пустой и праздный шум.

А женщины? Тебя считал я
Надеждой, утешеньем, всем!
Каким же мертвым камнем стал я,
Когда твой лик для сердца нем!
Дары судьбы, ее пристрастья,
Весь этот праздник без конца
Я отдал бы за каплю счастья,
Что знают чистые сердца!

Я изнемог от мук веселья,
Мне ненавистен род людской,
И жаждет грудь моя ущелья,
Где мгла нависнет, над душой!
Когда б я мог, расправив крылья,
Как голубь к радостям гнезда,
Умчаться в небо без усилия
Прочь, прочь от жизни – навсегда!
(Перевод К. Бальмонта)

An ode to the framers of the frame bil

Oh well done Lord E---n! and better Lord R---r!
Britannia must prosper with councils like yours;
Hawkesbury, help you to guide her,
Whose remedy only must kill ere it cures:
Those villains, the Weavers, are all grown refractory,
Asking some succour for Charity's sake –
So hang them in clusters round each Manufactory,
That will at once put an end to mistake.

The rascals, perhaps, may betake them to robbing,
The dogs to be sure have got nothing to eat –
So if we can hang them for breaking a bobbin,

'Twill save all the Government's money and meat:
Men are more easily made than machinery –
Stockings fetch better prices than lives –
Gibbets on Sherwood will heighten the scenery,
Showing how Commerce, how Liberty thrives!

Justice is now in pursuit of the wretches,
Grenadiers, Volunteers, Bow-street Police,
Twenty-two Regiments, a score of Jack Ketches,
Three of the Quorum and two of the Peace;
Some Lords, to be sure, would have summoned the Judges,
To take their opinion, but that they ne'er shall,
For LIVERPOOL such a concession begrudges,
So now they're condemned by no Judges at all.

Some folks for certain have thought it was shocking,
When Famine appeals, and when Poverty groans,
That life should be valued at less than a stocking,
And breaking of frames lead to breaking of bones.
If it should prove so, I trust, by this token,
(And who will refuse to partake in the hope?)
That the frames of the fools
may be first to be broken,
Who, when asked for a remedy, sent down a rope.

(1812)

Ода авторам билля, направленного против разрушителей станков

Лорд Эльдон, прекрасно! Лорд Райдер, чудесно!
Британия с вами как раз процветет.
Врачуйте ее, управляя совместно,
Заранее зная: лекарство убьет!
Ткачи, негодяи, готовят восстанье,
О помощи просят. Пред каждым крыльцом
Повесить у фабрик их всех в назиданье!
Ошибку исправить – и дело с концом,

В нужде, негодяи, сидят без полушки.
И пес, голодая, на кражу пойдет.
Их вздернув за то, что сломали катушки,
Правительство деньги и хлеб сбережет,
Ребенка скорее создать, чем машину,
Чулки – драгоценнее жизни людской
И виселиц ряд оживляет картину,
Свободы расцвет знаменуя собой

Идут волонтеры, идут гренадеры,
В походе полки... Против гнева ткачей
Полицией все принимаются меры,
Двумя мировыми, толпой палачей.
Из лордов не всякий отстаивал пули;
О судьях зывали. Потраченный труд!
Согласья они не нашли в Ливерпуле...
Ткачам осуждение вынес не суд,

Не странно ль, что, если является в гости
К нам голод и слышится вопль бедняка.
За ломку машины ломаются кости
И ценятся жизни дешевле чулка?
А если так было, то многие спросят;
Сперва не безумцам ли шею свернуть,
Которые людям, что помощи просят,
Лишь петлю на шее спешат затянуть?

(Перевод О. Чюминой)

The Giaour

(extract)

"Yes, Love indeed is light from heaven;
A spark of that immortal fire
With angels shared, by Alia given,
To lift from earth our low desire.

Devotion wafts the mind above,
But Heaven itself descends in Love;
A feeling from the Godhead caught,
To wean from self each sordid thought;
A ray of Him who formed the whole;
A Glory circling round the soul!
I grant my love imperfect, all
That mortals by the name miscall;
Then deem it evil, what thou wilt;
But say, oh say, hers was not Guilt!
She was my Life's unerring Light:
That quenched – what beam shall break my night?
Oh! would it shone to lead me still,
Although to death or deadliest ill!
Why marvel ye, if they who lose
This present joy, this future hope,
No more with Sorrow meekly cope;
In phrensy then their fate accuse;
In madness do those fearful deeds
That seem to add but Guilt to Woe?
Alas! the breast that inly bleeds
Hath nought to dread from outward blow:
Who falls from all he knows of bliss,
Cares little into what abyss.
Fierce as the gloomy vulture's now
To thee, old man, my deeds appear:
I read abhorrence on thy brow,
And this too was I born to bear!
'Tis true, that, like that bird of prey,
With havock have I marked my way:
But this was taught me by the dove,
To die – and know no second love.
This lesson yet hath man to learn,
Taught by the thing he dares to spurn:
The bird that sings within the brake,
The swan that swims upon the lake,

One mate, and one alone, will take.
And let the fool still prone to range,
And sneer on all who cannot change,
Partake his jest with boasting boys;
I envy not his varied joys,
But deem such feeble, heartless man,
Less than yon solitary swan;
Far, far beneath the shallow maid
He left believing and betrayed.
Such shame at least was never mine –
Leila! each thought was only thine!
My good, my guilt, my weal, my woe,
My hope on high – my all below.
Each holds no other like to thee,
Or, if it doth, in vain for me:
For worlds I dare not view the dame
Resembling thee, yet not the same.
The very crimes that mar my youth,
This bed of death – attest my truth!
'Tis all too late – thou wert, thou art
The cherished madness of my heart!

(1813)

Гяур
(отрывок)

Любовь на небе рождена
Аллаха властью всеблагою
И нам, как ангелам, дана
Святая искра. Над землею
Поднять желания свои
Мы можем с помощью любви.
В молитве ввысь мы воспаряем,
В любви – мы небо приближаем
К земле. Аллах ее послал,
Чтоб человек порой смывал

Всю грязь, все помыслы дурные.
Пока вокруг души горят
Лучи Создателя живые.
Пусть мою любовь клеймят
Грехом, позором, преступленьем,
Карай и ты ее презреньем,
Но благость сердца докажи
И про ее любовь скажи,
Что ты греха не видишь в этом,
Она была единым светом
Моей всей жизни. Из-за туч
Не промелькнет мой светлый луч...
За ним на муки в сумрак вечный
Пошел бы я с душой беспечной.
Когда все умерло в груди
И нет надежды впереди,
То люди рок свой проклинаят,
И преступлением порой
Они тяжелый жребий свой
В безумье мрачном отягчают.
Что сердцу бедному терять,
Коль кровью тайно истекать
Оно должно? Когда с высокой
Вершины счастья мы летим,
То никогда не различим
Мы края пропасти глубокой.
Старик, ты смотришь на меня,
Как будто хищный коршун я, –
Ты не скрываешь отвращенья.
Да, путь кровавый преступленья
И я прошел, как коршун злой,
Но я не знал любви другой, –
Я верен был, как голубь нежный,
Своей голубке белоснежной.
Должны бы тем мы подражать,
Кого привыкли презирать:

И птица, в рощах распевая,
И лебедь, волны рассекая,
Подруге избранной верны.
Пускай глупец, кому смешны
Томленья страсти постоянной,
С улыбкой хвастается чванной
Перед бессмысленной толпой.
Как жалок он, с душой жестокой
И с жизнью мелкой и пустой.
Но белый лебедь одинокий
Иль дева, что сдалась ему,
Поверив искренне всему,
Стоят в глазах моих высоко,
Я чужд в неверности упрека...
Леила, я к тебе одной
Стремился мыслью и душой,
Моя ты скорбь, моя отрада,
Моя небесная награда,
Ты воплощением была
Моей души добра и зла.
Кто может здесь с тобой сравняться?
Я дал бы все, чтоб не встречаться
С похожей на тебя и вновь
Тревожить скорбную любовь.
Пусть правду слов моих докажет
Вся юность грешная моя
И эта скорбная скамья
Мои страданья перескажет.
До гроба будет образ твой
Моей любимой мечтой!

(Перевод С. Ильина)

Vision of Belshazzar

I

The King was on his throne,
The Satraps thronged the hall:
A thousand bright lamps shone
O'er that high festival.
A thousand cups of gold,
In Judah deemed divine –
Jehovah's vessels hold
The godless Heathen's wine!

II

In that same hour and hall,
The fingers of a hand
Came forth against the wall,
And wrote as if on sand:
The fingers of a man; –
A solitary hand
Along the letters ran,
And traced them like a wand.

III

The monarch saw, and shook,
And bade no more rejoice;
All bloodless waxed his look,
And tremulous his voice.
"Let the men of lore appear,
The wisest of the earth,
And expound the words of fear,
Which mar our royal mirth."

IV

Chaldea's seers are good,
But here they have no skill;
And the unknown letters stood
Untold and awful still.
And Babel's men of age
Are wise and deep in lore;
But now they were not sage,
They saw – but knew no more.

V

A captive in the land,
A stranger and a youth,
He heard the King's command,
He saw that writing's truth.
The lamps around were bright,
The prophecy in view;
He read it on that night, –
The morrow proved it true.

VI

"Belshazzar's grave is made,
His kingdom passed away,
He, in the balance weighed,
Is light and worthless clay;
The shroud, his robe of state,
His canopy the stone;
The Mede is at his gate!
The Persian on his throne!"

(1815)

Видение Валтасара

1

Пирует царь; сатрапы в ряд
Престол владыки окружают,
Огни бесчисленных лампад
Чертоги пышно озаряют.
На недостойном празднестве,
В сосудах пенится священных
И посвященных Иегове –
Вино язычников надменных.

2

Вдруг на одной из стен – о чудо!
Все видят руку, – и она,
Явясь неведомо откуда,
Чертит пред ними письмена.
И, ужас чувствуя глубокий,
Дивились люди той руке,
Чертившей, словно на песке,
Свои таинственные строки.

3

И Валтасар бледнеет вдруг
Пред непонятым приговором;
В лице, в очах его – испуг,
И молвит он с тревожным взором:
«Людей мудрейших и волхвов
Позвать сюда без замедленья;
Пусть объяснят они значенье –
Прервавших пир – волшебных слов».

4

Волхвами славится Халдея
 И мудрый опыт их глубок,
 Но тут стоят они, бледнея,
 Пред тайной этих дивных строк.
 Из Вавилона старец вещий
 С другими старцами предстал,
 Но смысла надписи зловещей
 Никто из них не разгадал.

5

Тогда томившийся в неволе
 Какой-то мальчик молодой
 Открыл, покорный царской воле,
 Значенье тайны роковой;
 Что было вещими устами
 С закатом дня возвещено, –
 Заутра, с первыми лучами,
 Сбылось воочию оно:

6

«Падут твердыни Вавилона,
 Неотразим судьбы удар,
 И с высоты надменной трона
 Сойдет в могилу Валтасар:
 Могильный саван – не порфира –
 Оденет скоро царский стан;
 Его престол – во власти Кира,
 У врат его – войска мидян».

(Перевод О. Чюминой)

Stanzas To Augusta

When all around grew drear and dark,
And reason half withheld her ray –
And hope but shed a dying spark
Which more misled my lonely way;

In that deep midnight of the mind,
And that internal strife of heart,
When dreading to be deemed too kind,
The weak despair -the cold depart;

When fortune changed -and love fled far,
And hatred's shafts flew thick and fast,
Thou wert the solitary star
Which rose, and set not to the last.

Oh, blest be thine unbroken light!
That watched me as a seraph's eye,
And stood between me and the night,
For ever shining sweetly nigh.

And when the cloud upon us came,
Which strove to blacken o'er thy ray –
Then purer spread its gentle flame,
And dashed the darkness all away.

Still may thy spirit dwell on mine,
And teach it what to brave or brook –
There's more in one soft word of thine
Than in the world's defied rebuke.

Thou stood'st as stands a lovely tree
That, still unbroke though gently bent,
Still waves with fond fidelity
Its boughs above a monument.

The winds might rend, the skies might pour,
But there thou wert -and still wouldst be
Devoted in the stormiest hour
To shed thy weeping leaves o'er me.

But thou and thine shall know no blight,
Whatever fate on me may fall;
For heaven in sunshine will requite
The kind -and thee the most of all.

Then let the ties of baffled love
Be broken -thine will never break;
Thy heart can feel -but will not move;
Thy soul, though soft, will never shake.

And these, when all was lost beside,
Were found, and still are fixed in thee;-
And bearing still a breast so tried,
Earth is no desert -e'en to me.

(1816)

Стансы к Августе (Когда сгустилась мгла кругом)

Когда сгустилась мгла кругом
И ночь мой разум охватила,
Когда неверным огоньком
Едва надежда мне светила,

В тот час, когда, окутан тьмой,
Трепещет дух осиротелый,
Когда, молвы страшась людской,
Сдается трус и медлит смелый,

Когда любовь бросает нас
И мы затравлены враждою, —

Лишь ты была в тот страшный час
Моей немеркнувшей звездой.

Благословен твой чистый свет!
Подобно оку серафима,
В годину злую бурь и бед
Он мне сиял неугасимо.

При виде тучи грозовой
Еще светлее ты глядела,
И, встретив кроткий пламень твой,
Бежала ночь и тьма редела.

Пусть вечно реет надо мной
Твой дух в моем пути суровом.
Что мне весь мир с его враждой
Перед твоим единым словом!

Была той гибкой ивой ты,
Что, не сломившись, буре внемлет
И, словно друг, клоня листы,
Надгробный памятник объемлет.

Я видел небо все в огне,
Я слышал гром над головою,
Но ты и в бурный час ко мне
Склонялась плачущей листвою.

О, ни тебе, ни всем твоим
Да не узнать моих мучений!
Да будет солнцем золотым
Твой день согрет, мой добрый гений!

Когда я всеми брошен был,
Лишь ты мне верность сохранила,

Твой кроткий дух не отступил,
Твоя любовь не изменила.

На перепутьях бытия
Ты мне прибежище донине,
И верь, с тобою даже я
Не одинок в людской пустыне.
(Перевод В. Левика)

Prometheus

Titan! to whose immortal eyes
The sufferings of mortality,
Seen in their sad reality,
Were not as things that gods despise;
What was thy pity's recompense?
A silent suffering, and intense;
The rock, the vulture, and the chain,
All that the proud can feel of pain,
The agony they do not show,
The suffocating sense of woe,
Which speaks but in its loneliness,
And then is jealous lest the sky
Should have a listener, nor will sigh
Until its voice is echoless.

Titan! to thee the strife was given
Between the suffering and the will,
Which torture where they cannot kill;
And the inexorable Heaven,
And the deaf tyranny of Fate,
The ruling principle of Hate,
Which for its pleasure doth create
The things it may annihilate,
Refus'd thee even the boon to die:
The wretched gift Eternity

Was thine – and thou hast borne it well.
All that the Thunderer wrung from thee
Was but the menace which flung back
On him the torments of thy rack;
The fate thou didst so well foresee,
But would not to appease him tell;
And in thy Silence was his Sentence,
And in his Soul a vain repentance,
And evil dread so ill dissembled,
That in his hand the lightnings trembled.

Thy Godlike crime was to be kind,
    To render with thy precepts less
    The sum of human wretchedness,
And strengthen Man with his own mind;
But baffled as thou wert from high,
Still in thy patient energy,
In the endurance, and repulse
    Of thine impenetrable Spirit,
Which Earth and Heaven could not convulse,
    A mighty lesson we inherit:
Thou art a symbol and a sign
    To Mortals of their fate and force;
Like thee, Man is in part divine,
    A troubled stream from a pure source;
And Man in portions can foresee
His own funereal destiny;
His wretchedness, and his resistance,
And his sad unallied existence:
To which his Spirit may oppose
Itself – and equal to all woes,
    And a firm will, and a deep sense,
Which even in torture can descry
    Its own concenter'd recompense,
Triumphant where it dares defy,
And making Death a Victory.

(1816)

Прометей

1

Титан! На наш земной удел,
На нашу скорбную юдоль,
На человеческую боль
Ты без презрения глядел;
Но что в награду получил?
Страданье, напряженье сил
Да коршуна, что без конца
Терзает печень гордеца,
Скалу, цепей печальный звук,
Удушливое бремя мук
Да стон, что в сердце погребен,
Тобой подавленный, затих,
Чтобы о горестях твоих
Богам не смог поведать он.

2

Титан! Ты знал, что значит бой
Отваги с мукой... ты силен,
Ты пытками не утрашен,
Но скован яростной судьбой.
Всесильный Рок – глухой тиран,
Вселенской злобой обуян,
Творя на радость небесам
То, что разрушить может сам,
Тебя от смерти отрешил,
Бессмертья даром наделил.
Ты принял горький дар, как честь,
И Громовержец от тебя
Добиться лишь угрозы смог;
Так был наказан гордый бог!
Свои страдания возлюбя,

Ты не хотел ему прочесть
Его судьбу – но приговор
Открыл ему твой гордый взор.
И он постиг твое безмолвье,
И задрожали стрелы молний...

3

Ты добр – в том твой небесный грех
Иль преступленье: ты хотел
Несчастьям положить предел,
Чтоб разум осчастливил всех!
Разрушил Рок твои мечты,
Но в том, что не смирился ты, —
Пример для всех людских сердец;
В том, чем была твоя свобода,
Сокрыт величья образец
Для человеческого рода!
Ты символ силы, полубог,
Ты озарил для смертных путь, —
Жизнь человека – светлый ток,
Бегущий, отмечая путь,
Отчасти может человек
Своих часов предвидеть бег:
Бесцельное существованье,
Сопротивленье, прозябанье...
Но не изменится душа,
Бессмертной твердостью дыша,
И чувство, что умеет вдруг
В глубинах самых горьких мук
Себе награду обретать,
Торжествовать и презирать,
И Смерть в Победу обращать.

(Перевод В. Луговского)

Darkness

I had a dream, which was not all a dream.
The bright sun was extinguish'd, and the stars
Did wander darkling in the eternal space,
Rayless, and pathless, and the icy earth
Swung blind and blackening in the moonless air;
Morn came and went – and came, and brought no day,
And men forgot their passions in the dread
Of this their desolation; and all hearts
Were chill'd into a selfish prayer for light:
And they did live by watchfires – and the thrones,
The palaces of crowned kings – the huts,
The habitations of all things which dwell,
Were burnt for beacons; cities were consum'd,
And men were gather'd round their blazing homes
To look once more into each other's face;
Happy were those who dwelt within the eye
Of the volcanos, and their mountain-torch:
A fearful hope was all the world contain'd;
Forests were set on fire – but hour by hour
They fell and faded – and the crackling trunks
Extinguish'd with a crash – and all was black.
The brows of men by the despairing light
Wore an unearthly aspect, as by fits
The flashes fell upon them; some lay down
And hid their eyes and wept; and some did rest
Their chins upon their clenched hands, and smil'd;
And others hurried to and fro, and fed
Their funeral piles with fuel, and look'd up
With mad disquietude on the dull sky,
The pall of a past world; and then again
With curses cast them down upon the dust,
And gnash'd their teeth and howl'd: the wild birds
shriek'd
And, terrified, did flutter on the ground,

And flap their useless wings; the wildest brutes
Came tame and tremulous; and vipers crawl'd
And twin'd themselves among the multitude,
Hissing, but stingless – they were slain for food.
And War, which for a moment was no more,
Did glut himself again: a meal was bought
With blood, and each sate sullenly apart
Gorging himself in gloom: no love was left;
All earth was but one thought – and that was death
Immediate and inglorious; and the pang
Of famine fed upon all entrails – men
Died, and their bones were tombless as their flesh;
The meagre by the meagre were devour'd,
Even dogs assail'd their masters, all save one,
And he was faithful to a corse, and kept
The birds and beasts and famish'd men at bay,
Till hunger clung them, or the dropping dead
Lur'd their lank jaws; himself sought out no food,
But with a piteous and perpetual moan,
And a quick desolate cry, licking the hand
Which answer'd not with a caress – he died.
The crowd was famish'd by degrees; but two
Of an enormous city did survive,
And they were enemies: they met beside
The dying embers of an altar-place
Where had been heap'd a mass of holy things
For an unholy usage; they rak'd up,
And shivering scrap'd with their cold skeleton hands
The feeble ashes, and their feeble breath
Blew for a little life, and made a flame
Which was a mockery; then they lifted up
Their eyes as it grew lighter, and beheld
Each other's aspects – saw, and shriek'd, and died – m
Even of their mutual hideousness they died,
Unknowing who he was upon whose brow
Famine had written Fiend. The world was void,

The populous and the powerful was a lump,
Seasonless, herbless, treeless, manless, lifeless –
A lump of death – a chaos of hard clay.
The rivers, lakes and ocean all stood still,
And nothing stirr'd within their silent depths;
Ships sailorless lay rotting on the sea,
And their masts fell down piecemeal: as they dropp'd
They slept on the abyss without a surge –
The waves were dead; the tides were in their grave,
The moon, their mistress, had expir'd before;
The winds were wither'd in the stagnant air,
And the clouds perish'd; Darkness had no need
Of aid from them – She was the Universe.
(1816)

Тьма

Я видел сон... Не всё в нем было сном.
Погасло солнце светлое, и звезды
Скитались без цели, без лучей
В пространстве вечном; льдистая земля
Носилась слепо в воздухе безлунном.
Час утра наставал и проходил,
Но дня не приводил он за собою...
И люди – в ужасе беды великой
Забыли страсти прежние... Сердца
В одну себялюбивую молитву
О свете робко сжались – и застыли.
Перед огнями жил народ; престолы,
Дворцы царей венчаных, шалаши,
Жилища всех имеющих жилища –
В костры слагались... города горели...
И люди собирались толпами
Вокруг домов пылающих – затем,
Чтобы хоть раз взглянуть в глаза друг другу.
Счастливы были жители тех стран,
Где факелы вулканов пламенели...

Весь мир одной надеждой робкой жил...
Зажгли леса; но с каждым часом гас
И падал обгорелый лес; деревья
Внезапно с грозным треском обрушались...
И лица – при неровном трепетанье
Последних замирающих огней
Казались неземными... Кто лежал,
Закрыв глаза, да плакал; кто сидел,
Руками подпираясь, улыбался;
Другие хлопотливо суетились
Вокруг костров – и в ужасе безумном
Глядели смутно на глухое небо,
Земли погибшей саван... а потом
С проклятьями бросались в прах и выли,
Зубами скрежетали. Птицы с криком
Носились низко над землёй, махали
Ненужными крылами... Даже звери
Сбегались робкими стадами... Змеи
Ползли, вились среди толпы, шипели,
Безвредные... Их убивали люди
На пищу... Снова вспыхнула война,
Погасшая на время... Кровью куплен
Кусок был каждый; всякий в стороне
Сидел угрюмо, насыщаясь в мраке.
Любви не стало; вся земля полна
Была одной лишь мыслью: смерти – смерти
Бесславной, неизбежной... Страшный голод
Терзал людей... И быстро гибли люди...
Но не было могилы ни костям,
Ни телу... Пожирал скелет скелета...
И даже псы хозяев раздирали.
Один лишь пес остался трупу верен,
Зверей, людей голодных отгонял –
Пока другие трупы привлекали
Их зубы жадные... Но пищи сам
Не принимал; с унылым долгим стоном

И быстрым, грустным криком все лизал
Он руку, безответную на ласку,
И умер наконец... Так постепенно
Всех голод истребил; лишь двое граждан
Столицы пышной – некогда врагов –
В живых осталось... Встретились они
У гаснущих остатков алтаря,
Где много было собрано вещей
Святых . . . . .
Холодными костлявыми руками,
Дрожа, вскопали золу... Огонек
Под слабым их дыханьем вспыхнул слабо,
Как бы в насмешку им; когда же стало
Светлее, оба подняли глаза,
Взглянули, вскрикнули и тут же вместе
От ужаса взаимного внезапно
Упали мертвыми . . . . .
. . . . .
. . . . . И мир был пуст;
Тот многолюдный мир, могучий мир
Был мёртвой массой, без травы, деревьев
Без жизни, времени, людей, движенья...
То хаос смерти был. Озёра, реки
И море – все затихло. Ничего
Не шевелилось в бездне молчаливой.
Безлюдные лежали корабли
И гнили на недвижной, сонной влаге...
Без шуму, по частям валялись мачты
И, падая, волны не возмущали...
Моря давно не ведали приливов...
Погибла их владычица – луна;
Завяли ветры в воздухе немом...
Исчезли тучи... Тьме не нужно было
Их помощи... она была повсюду...
(Перевод И. Тургенева)

Manfred
(extract)

Witch. I know not that; let thy lips utter it.

Manfred. Well, though it torture me, 't is but the same;

My pang shall find a voice. From my youth upwards

My spirit walk'd not with the souls of men,

Nor look'd upon the earth with human eyes;

The thirst of their ambition was not mine;

The aim of their existence was not mine;

My joys, my griefs, my passions, and my powers,

Made me a stranger; though I wore the form,

I had no sympathy with breathing flesh,

Nor midst the creatures of clay that girded me

Was there but one who-- but of her anon.

I said with men, and with the thoughts of men,

I held but slight communion; but instead,

My joy was in the Wilderness, to breathe

The difficult air of the iced mountain's top,

Where the birds dare not build, nor insect's wing

Flit o'er the herbless granite; or to plunge

Into the torrent, and to roll along

On the swift whirl of the new breaking wave

Of river-stream, or ocean, in their flow.

In these my early strength exulted; or

To follow through the night the moving moon,
The stars and their development, or catch
The dazzling lightnings till my eyes grew dim;
Or to look, list'ning, on the scatter'd leaves,
While Autumn winds were at their evening song.
These were my pastimes, and to be alone;
For if the beings, of whom I was one, –
Hating to be so, – cross'd me in my path,
I felt myself degraded back to them,
And was all clay again. And then I dived,
In my lone wanderings, to the caves of death,
Searching its cause in its effect, and drew
From wither'd bones, and skulls, and heap'd up dust,
Conclusions most forbidden. Then I pass'd
The nights of years in sciences, untaught
Save in the old-time; and with time and toil,
And terrible ordeal, and such penance
As in itself hath power upon the air
And spirits that do compass air and earth,
Space, and the peopled infinite, I made
Mine eyes familiar with Eternity,
Such as, before me, did the Magi, and
He who from out their fountain dwellings raised
Eros and Anteros, at Gadara,

As I do thee, – and with my knowledge grew
The thirst of knowledge, and the power and joy
Of this most bright intelligence, until –

Witch. Proceed.

Manfred. Oh! I but thus prolonged my words,
Boasting these idle attributes, because
As I approach the core of my heart's grief –
But to my task. I have not named to thee
Father or mother, mistress, friend, or being
With whom I wore the chain of human ties;
If I had such, they seem'd not such to me--
Yet there was one –

Witch. Spare not thyself – proceed.

Manfred. She was like me in lineaments – her eyes
Her hair, her features, all, to the very tone
Even of her voice, they said were like to mine;
But soften'd all, and temper'd into beauty;
She had the same lone thoughts and wanderings,
The quest of hidden knowledge, and a mind
To comprehend the universe: nor these
Alone, but with them gentler powers than mine,
Pity, and smiles, and tears – which I had not;
And tenderness – but that I had for her;
Humility – and that I never had.
Her faults were mine – her virtues were her own –
I loved her, and destroy'd her!

(1816-1817)

Манфред

(отрывок)

Фея

Мне непонятны
Твои слова, – я мук твоих не знаю.
Открой мне их.

Манфред

Мне это будет пыткой,
Но все равно, – душа таить устала
Свою тоску. От самых юных лет
Ни в чем с людьми я сердцем не сходилась
И не смотрел на землю их очами;
Их цели жизни я не разделял,
Их жажды честолюбия не ведал,
Мои печали, радости и страсти
Им были непонятны. Я с презреньем
Взирал на жалкий облик человека,
И лишь одно среди созданий праха,
Одно из всех... – но после. Повторяю:
С людьми имел я слабое общенье,
Но у меня была иная радость,
Иная страсть: Пустыня. Я с отрадой
Дышал морозной свежестью на льдистых
Вершинах гор, среди нагих гранитов,
Где даже птицы гнезд свивать не смеют;
Я упивался юною отвагой
В борьбе с волнами шумных горных рек
Иль с бешеным прибоем океана;
Я созерцал с заката до рассвета
Течение звезд, я жадными очами,
До слепоты, ловил блистанье молний
Иль по часам внимал напевам ветра,

В осенний день, под шум поблекших листьев.
Так дни текли, а я был одинок;
Когда же на пути моем встречался
Один из тех, чей ненавистный образ
Ношу и я, – я чувствовал, что свергнут
С небес во прах. И я проник в могилы,
Стремясь постичь загробный мир, и много
Извлек в те дни я дерзких заключений
Из черепов, сухих костей и тлена.
Я предался таинственным наукам,
Что знали только в древности, и годы
Моих трудов и тяжких испытаний
Мне дали власть над духами, открыли
Передо мной лик Вечности, и властен
Я стал, как маг, как чародей, что вызвал
В Гадаре Антэроса и Эроса,
Как я тебя; и знания мои
Во мне будили жажду новых знаний,
И креп я в них, покуда...

Фея

Продолжай.

Манфред

О, я недаром длил рассказ: мне больно
Произнести признание роковое.
Но далее. Я не назвал ни друга,
Ни матери, ни милой – никого
Из тех, с кем нас связуют цепи жизни:
Я их имел, но был им чужд душою,
И лишь одна, одна из всех...

Фея

Мужайся.

Манфред

Она была похожа на меня.
Черты лица, цвет глаз, волос и даже
Тон голоса – все родственно в нас было,
Хотя она была прекрасна. Нас
Сближали одинаковые думы,
Любовь к уединению, стремленья
К таинственным познаниям и жажда
Обнять умом вселенную, весь мир;
Но ей не чуждо было и другое:
Участье к людям, слезы и улыбки, –
Которых я не ведаю, – смиренье, –
Моей душе не сродное, – и нежность,
Что только к ней имел я; недостатки
Ее природы были и моими,
Достоинства лишь ей принадлежали.
Я полюбил и погубил ее!

(Перевод И. Бунина)

Childe Harold's Pilgrimage

(extract)

CLXXIX.

Roll on, thou deep and dark blue Ocean – roll!
Ten thousand fleets sweep over thee in vain;
Man marks the earth with ruin – his control
Stops with the shore; – upon the watery plain
The wrecks are all thy deed, nor doth remain
A shadow of man's ravage, save his own,
When for a moment, like a drop of rain,

He sinks into thy depths with bubbling groan,
Without a grave, unknelled, uncoffined, and unknown.

CLXXX.

His steps are not upon thy paths, – thy fields
Are not a spoil for him, – thou dost arise
And shake him from thee; the vile strength he wields
For earth's destruction thou dost all despise,
Spurning him from thy bosom to the skies,
And send'st him, shivering in thy playful spray
And howling, to his gods, where haply lies
His petty hope in some near port or bay,
And dashest him again to earth: – there let him lay.

CLXXXI.

The armaments which thunderstrike the walls
Of rock-built cities, bidding nations quake,
And monarchs tremble in their capitals.
The oak leviathans, whose huge ribs make
Their clay creator the vain title take
Of lord of thee, and arbiter of war;
These are thy toys, and, as the snowy flake,
They melt into thy yeast of waves, which mar
Alike the Armada's pride, or spoils of Trafalgar.

(1817)

Паломничество Чайльд-Гарольда

(отрывок)

179

Стремите, волны, свой могучий бег!
В простор лазурный тщетно шлет армады
Земли опустошитель, человек.
На суше он не ведает преграды,
Но встанут ваши темные громады,
И там, в пустыне, след его живой
Исчезнет с ним, когда, моля пощады,

Ко дну пойдет он каплей дождевой
Без слез напутственных, без урны гробовой.

180

Нет, не ему поработить, о море,
Простор твоих бушующих валов!
Твое презренье тот узнает вскоре,
Кто землю в цепи заковать готов.
Сорвав с груди, ты выше облаков
Швырнешь его, дрожащего от страха,
Молящего о пристани богов,
И, точно камень, пущенный с размаха,
О скалы раздробишь и кинешь горстью праха.

181

Чудовища, что крепости громят,
Ниспровергают стены вековые –
Левиафаны боевых армад,
Которыми хотят цари земные
Свой навязать закон твоей стихии, –
Что все они! Лишь буря заревет,
Растаяв, точно хлопья снеговые,
Они бесследно гибнут в бездне вод,
Как мощь Испании, как трафальгарский флот.
(Перевод В. Левика)

Cain

(extract)

Cain

I have toiled, and tilled, and sweaten in the sun,
According to the curse: must I do more?
For what should I be gentle? for a war
With all the elements ere they will yield
The bread we eat? For what must I be grateful?
For being dust, and grovelling in the dust,

Till I return to dust? If I am nothing
For nothing shall I be an hypocrite,
And seem well – pleased with pain? For what should I
Be contrite? for my father's sin, already
Expiate with what we all have undergone,
And to be more than expiated by
The ages prophesied, upon our seed.
Little deems our young blooming sleeper, there,
The germs of an eternal misery
To myriads is within him! better 'twere
I snatched him in his sleep, and dashed him 'gainst
The rocks, than let him live to

Adah

Oh, my God!

Touch not the child my child! *thy* child! Oh, Cain!

Cain

Fear not! for all the stars, and all the power
Which sways them, I would not accost yon infant
With ruder greeting than a father's kiss.

Adah.

Then, why so awful in thy speech?

Cain

I said,

'Twere better that he ceased to live, than give
Life to so much of sorrow as he must
Endure, and, harder still, bequeath; but since
That saying jars you, let us only say
'Twere better that he never had been born.

Adah

Oh, do not say so! Where were then the joys,
The mother's joys of watching, nourishing,
And loving him? Soft! he awakes. Sweet Enoch!
[She goes to the child.]

Oh, Cain! look on him; see how full of life,
Of strength, of bloom, of beauty, and of joy

How like to me how like to thee, when gentle
For *then* we are *all* alike; is't not so, Cain?
Mother, and sire, and son, our features are
Reflected in each other; as they are
In the clear waters, when *they* are *gentle*, and
When *thou* art *gentle*. Love us, then, my Cain!
And love thyself for our sakes, for we love thee.
Look! how he laughs and stretches out his arms,
And opens wide his blue eyes upon thine,
To hail his father; while his little form
Flutters as winged with joy. Talk not of pain!
The childless cherubs well might envy thee
The pleasures of a parent! Bless him, Cain!
As yet he hath no words to thank thee, but
His heart will, and thine own too.

(1821)

Каин

(ОТРЫВОК)

Каин

Я сеял, рыл, я был в поту, согласно
Проклятию; но что еще мне делать?
Смиранным быть – среди борьбы с стихией
За мой насущный хлеб? Быть благодарным
За то, что я во прахе пресмыкаюсь,
Зане я прах и возвращусь во прах?
Что я? Ничто. И я за это должен

Ханжою быть и делать вид, что очень
Доволен мукой? Каяться – но в чём?
В грехе отца? Но этот грех давно уж
Искуплен тем, что претерпели мы,
И выше всякой меры искупится

Веками мук, предсказанных в проклятье.
Он сладко спит, мой мальчик, и не знает,
Что в нём одном – зачатки вечной скорби
Для мириад сынов его! О, лучше б
Схватить его и раздробить о камни,
Чем дать ему...

Ада

Мой бог! Не тронь дитя –
Моё дитя! Твоё дитя! О Каин!

Каин

Не бойся! За небесные светила,
За власть над ними я не потревожу
Ничем малютку, кроме поцелуя.

Ада

Но речь твоя ужасна!

Каин

Я сказал,
Что лучше умереть, чем жить в мученьях
И завещать их детям! Если ж это
Тебя пугает, скажем мягче: лучше б
Ему совсем на свет не появляться.

Ада

О нет, не говори так! А блаженство
Быть матерью – кормить, любить, лелеять?
Но чу! Он просыпается. Мой милый!
(Подходит к ребенку.)

О, посмотри, как полон жизни он,
Сил, красоты, здоровья! Как похож
Он на меня – и на тебя, но только
Когда ты кроток: мы ведь все тогда
Похожи друг на друга; правда, Каин?
Люби же нас – и самого себя,
Хоть ради нас, – ты нам обоим дорог!
Смотри, он засмеялся, протянул
К тебе ручонки, смотрит ясным взором
В твои глаза... Не говори о муках!
Тебе могли бы сами херувимы
Завидовать, – они детей не знают.
Благослови его.

(Перевод И. Бунина)

Don Juan

(extract)

But to continue: – I say not the first,
But of the first, our little friend Don Juan
Walk'd o'er the walls of Ismail, as if nursed
Amidst such scenes – though this was quite a new one
To him, and I should hope to most.
The thirst of glory, which so pierces through and through one,
Pervaded him – although a generous creature,
As warm in heart as feminine in feature.

And here he was – who upon woman's breast,
Even from a child, felt like a child; howe'er
The man in all the rest might be confest,
To him it was Elysium to be there;
And he could even withstand that awkward test
Which Rousseau points out to the dubious fair,
'Observe your lover when he leaves your arms;'
But Juan never left them, while they had charms,

Unless compell'd by fate, or wave, or wind,
Or near relations, who are much the same.
But here he was! – where each tie that can bind
Humanity must yield to steel and flame:
And he whose very body was all mind,
Flung here by fate or circumstance, which tame
The loftiest, hurried by the time and place,
Dash'd on like a spurr'd blood-horse in a race.

So was his blood stirr'd while he found resistance,
As is the hunter's at the five-bar gate,
Or double post and rail, where the existence
Of Britain's youth depends upon their weight,
The lightest being the safest: at a distance
He hated cruelty, as all men hate
Blood, until heated – and even then his own
At times would curdle o'er some heavy groan.

The General Lascy, who had been hard press'd,
Seeing arrive an aid so opportune
As were some hundred youngsters all abreast,
Who came as if just dropp'd down from the moon,
To Juan, who was nearest him, address'd
His thanks, and hopes to take the city soon,
Not reckoning him to be a 'base Bezonian'
(As Pistol calls it), but a young Livonian.
(1818–1824)

Дон Жуан
(отрывок)

52

Но возвратимся к делу. Мой Жуан
Ворвался смело, ловкий и проворный,
На парাপет твердыни мусульман
Хотя не самым первым, но, бесспорно,
Одним из первых. Славы ураган
Его увлек; веселый и задорный,
Мой юноша держался храбрецом,
Хоть нежен был и сердцем и лицом.

53

Не он ли на груди красавиц страстных
Был, как дитя, пленителен и мил,
Не он ли в их объятьях ежечасно
Элизиум блаженства находил?
Для всякого любовника опасны
Минуты расставанья – говорил
Жан-Жак Руссо. Но моему герою
Всегда расстаться с милою игрою

54

Бывало жаль; красавиц покидал
Он под влияньем рока, или шквала,
Или родных – и каждый раз страдал,
И вот теперь судьба его послала
В ужасный бой, где пламя и металл
Убили состраданье, где пылала
Стихия буйной смерти; словно конь
Пришпоренный, он бросился в огонь.

Жуана кровь зажгло сопротивление;
 Мы знаем, что на гонках, на бегах
 Весьма легко подобное волненье
 И в наших загорается сердцах.
 На должном расстоянье, без сомненья,
 Он ненавидел зверство, но в боях
 Меняются характеры и страсти,
 И наш порыв уже не в нашей власти.

Отважный Ласси был со всех сторон
 Тесним и сжат. Увидев подкрепление,
 Он был и рад, и очень удивлен;
 Зато юнцов отважных появленье
 С Жуаном во главе тотчас же он
 Приветствовал, но только, к сожаленью,
 Испанцем он Жуана не признал
 И по-немецки речь свою сказал.

(Перевод Т. Гнедич)

On This Day I Complete My Thirty-Sixth Year

'Tis time this heart should be unmoved,
     Since others it hath ceased to move:
 Yet though I cannot be beloved,
                     Still let me love!

My days are in the yellow leaf;
     The flowers and fruits of Love are gone;
 The worm – the canker, and the grief
                     Are mine alone!

The fire that on my bosom preys
Is lone as some Volcanic Isle;
No torch is kindled at its blaze
A funeral pile.

The hope, the fear, the jealous care,
The exalted portion of the pain
And power of Love I cannot share,
But wear the chain.

But 'tis not thus – and 'tis not here
Such thoughts should shake my Soul, nor now,
Where Glory decks the hero's bier,
Or binds his brow.

The Sword, the Banner, and the Field,
Glory and Greece around us see!
The Spartan borne upon his shield
Was not more free.

Awake (not Greece – she is awake!)
Awake, my Spirit! Think through whom
Thy life-blood tracks its parent lake
And then strike home!
Tread those reviving passions down
Unworthy Manhood – unto thee
Indifferent should the smile or frown
Of beauty be.

If thou regret'st thy Youth, why live?
The land of honourable Death
Is here: – up to the Field, and give
Away thy breath!

Seek out – less often sought than found –
A Soldier's Grave, for thee the best;
Then look around, and choose thy Ground,
And take thy rest.
(1824)

В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет

Должно бы сердце стать глухим
И чувства прежние забыть,
Но, пусть никем я не любим,
Хочу любить!

Мой листопад шуршит листвою.
Все меньше листьев в вышине.
Недуг и камень гробовой
Остались мне.

Огонь мой сжигает дни,
Но одиноко он горит.
Лишь погребальные огни
Он породит.

Надежда в горестной судьбе,
Любовь моя – навек прости.
Могу лишь помнить о тебе
И цепь нести.

Но здесь сейчас не до тоски.
Свершается великий труд.
Из лавра гордые венки
Героев ждут.

О Греция! Прекрасен вид
Твоих мечей, твоих знамен!
Спартанец, поднятый на щит,
    Не покорен.

Восстань! (Не Греция восстань –
Уже восстал сей древний край!)
Восстань, мой дух! И снова дань
    Борьбе отдай.

О мужестве! Тенета рви,
Топчи лукавые мечты,
Не слушай голосов любви
    И красоты.

Нет утешения, так что ж
Грустить о юности своей?
Погибни! Ты конец найдешь
    Среди мечей.

Могилы жадно ждут солдат,
Пока сражаются они.
Так брось назад прощальный взгляд
    И в ней усни.

(Перевод Игн. Ивановского)

Перси Биши Шелли
(Percy Bysshe Shelley, 1792–1822)

Перси Биши Шелли является представителем революционной романтической поэзии. Поэт считает движение, развитие вечным законом бытия, обуславливающим неизбежность перемен в социальной жизни. Перси Биши Шелли верил в революционный путь преобразования общества, воспел в своём творчестве идеалы свободы, равенства, социальной справедливости. Тонкий лирик, Перси Биши Шелли раскрыл мир человеческой души, показал жизнь чувств. По мысли поэта, изменчивость – главное свойство не только природного и социального бытия, но и эмоций, переживаний человека. Подобно окружающему миру, люди меняются внутренне в своих неустанных поисках идеала.

Mutability

WE are as clouds that veil the midnight moon;
How restlessly they speed, and gleam, and quiver,
Streaking the darkness radiantly! – yet soon
Night closes round, and they are lost for ever:

Or like forgotten lyres, whose dissonant strings
Give various response to each varying blast,
To whose frail frame no second motion brings
One mood or modulation like the last.

We rest. – A dream has power to poison sleep:
We rise. – One wandering thought pollutes the day;
We feel, conceive or reason, laugh or weep;
Embrace fond woe, or cast our cares away:

It is the same! – For, be it joy or sorrow,
The path of its departure still is free:
Man's yesterday may ne'er be like his morrow;
Nought may endure but Mutability.

(1816)

Изменчивость

Мы, словно облака вокруг луны, –
Летим сквозь ночь, трепещем и блистаем.
Сомкнется тьма – и вмиг поглощены,
Мы навсегда бесследно исчезаем.

Мы точно звуки несогласных лир –
Ответ наш разный разным дуновеньям.
Не повторит на хрупких струнах мир
То, что с прошедшим отошло мгновеньем.

Мы спим – расстроен сновиденьем сон.
Встаем – мелькнувшей мыслью день отравлен.
Веселье, плач, надежда, смех и стон –
Что постоянно в мире? Кто избавлен

От вечных смен? – Для них свободен путь.
Ни радость, ни печаль не знают плена.
И день вчерашний завтра не вернуть.
Изменчивость – одна лишь неизменна.
(Перевод В. Левика)

To The Men Of England

Men of England, wherefore plough
For the lords who lay ye low?
Wherefore weave with toil and care
The rich robes your tyrants wear?

Wherefore feed and clothe and save,
From the cradle to the grave,
Those ungrateful drones who would
Drain your sweat – nay, drink your blood?

Wherefore, Bees of England, forge
Many a weapon, chain, and scourge,
That these stingless drones may spoil
The forced produce of your toil?

Have ye leisure, comfort, calm,
Shelter, food, love's gentle balm?
Or what is it ye buy so dear
With your pain and with your fear?

The seed ye sow another reaps;
The wealth ye find another keeps;
The robes ye weave another wears;
The arms ye forge another bears.

Sow seed, – but let no tyrant reap;
Find wealth, – let no imposter heap;

Weave robes, – let not the idle wear;
Forge arms, in your defence to bear.

Shrink to your cellars, holes, and cells;
In halls ye deck another dwells.
Why shake the chains ye wrought? Ye see
The steel ye tempered glance on ye.

With plough and spade and hoe and loom,
Trace your grave, and build your tomb,
And weave your winding-sheet, till fair
England be your sepulchre!

(1819)

Мужам Англии

Англичане, почему
Покорились вы ярму?
Отчего простой народ
Ткет и пашет на господ?

Для чего вам одевать
В шелк и бархат вашу знать,
Отдавать ей кровь и мозг,
Добывать ей мед и воск?

Пчелы Англии, зачем
Создавать оружие тем,
Кто оставил вам труды,
А себе берет плоды?

Где у вас покой, досуг,
Мир, любовь, семейный круг,
Хлеб насущный, теплый дом,
Заработанный трудом?

Кто не сеет – жатве рад,
Кто не ищет – делит клад,
И мечом грозит не тот,
Кто в огне его кует.

Жните хлеб себе на стол,
Тките ткань для тех, кто гол.
Куйте молотом металл,
Чтобы вас он защищал.

Вы, подвальные жильцы,
Лордам строите дворцы,
И ваши цепи сотней глаз
Глядят с насмешкою на вас.

Могилу роет землекоп,
Усердный плотник ладит гроб,
И белый саван шьет швея
Тебе, Британия моя!
(Перевод С. Маршака)

Ode to the West Wind

(extracts)

I

O wild West Wind, thou breath of Autumn's being,
Thou, from whose unseen presence the leaves dead
Are driven, like ghosts from an enchanter fleeing,

Yellow, and black, and pale, and hectic red,
Pestilence-stricken multitudes: O thou,
Who chariotest to their dark wintry bed

The winged seeds, where they lie cold and low,
Each like a corpse within its grave, until
Thine azure sister of the Spring shall blow

Her clarion o'er the dreaming earth, and fill
(Driving sweet buds like flocks to feed in air)
With living hues and odours plain and hill:

Wild Spirit, which art moving everywhere;
Destroyer and preserver; hear, oh hear!..

IV

If I were a dead leaf thou mightest bear;
If I were a swift cloud to fly with thee;
A wave to pant beneath thy power, and share

The impulse of thy strength, only less free
Than thou, O uncontrollable! If even
I were as in my boyhood, and could be

The comrade of thy wanderings over Heaven,
As then, when to outstrip thy skiey speed
Scarce seem'd a vision; I would ne'er have striven

As thus with thee in prayer in my sore need.
Oh, lift me as a wave, a leaf, a cloud!
I fall upon the thorns of life! I bleed!

A heavy weight of hours has chain'd and bow'd
One too like thee: tameless, and swift, and proud.

V

Make me thy lyre, even as the forest is:
What if my leaves are falling like its own!
The tumult of thy mighty harmonies

Will take from both a deep, autumnal tone,
Sweet though in sadness. Be thou, Spirit fierce,
My spirit! Be thou me, impetuous one!

Drive my dead thoughts over the universe
Like wither'd leaves to quicken a new birth!
And, by the incantation of this verse,

Scatter, as from an unextinguish'd hearth
Ashes and sparks, my words among mankind!
Be through my lips to unawaken'd earth

The trumpet of a prophecy! O Wind,
If Winter comes, can Spring be far behind?
(1819)

Ода западному ветру
(отрывки)

I

О буйный ветер запада осенний!
Перед тобой толпой бегут листья,
Как перед чародеем привиденья,

То бурей желтизны и красноты,
То пестрым вихрем всех оттенков гнили;
То голых пашен черные пласты

Засыпал семенами в изобилье.
Весной трубы пронзительный раскат
Разбудит их, как мертвецов в могиле,

И теплый ветер, твой весенний брат,
Взовьет их к жизни дудочкой пастушьей,
И новую листвой оденет сад.

О дух морей, носящийся над сушей!
Творец и разрушитель, слушай, слушай!

IV

Будь я листом, ты шелестел бы мной.
Будь тучей я, ты б нес меня с собою.
Будь я волной, я б рос пред крутизной

Стеною разъяренного прибоя.
О нет, когда б, по-прежнему дитя,
Я уносился в небо голубое

И с тучами гонялся не шутя,
Тогда б, участник твоего веселья,
Я сам, мольбой тебя не тяготя,

Отсюда улетел на самом деле.
Но я сражен. Как тучу и волну
Или листок, сними с песчаной мели

Того, кто тоже рвется в вышину
И горд, как ты, но пойман и в плену.

V

Дай стать мне лирой, как осенний лес,
И в честь твою ронять свой лист спросонья.
Устрой, чтоб постепенно я исчез

Обрывками разрозненных гармоний.
Суровый дух, позволь мне стать тобой!
Стань мною иль еще неугомонней!

Развей кругом притворный мой покой
И временную мыслей мертвечину.
Вздуй, как заклятьем, эту строкой

Золу из непогасшего камина.
Дай до людей мне слово донести,
Как ты заносишь семена в долину.

И сам раскатом трубным возвести:
Пришла Зима, зато Весна в пути!
(Перевод Б. Пастернака)

The Cloud
(extracts)

I bring fresh showers for the thirsting flowers,
From the seas and the streams;
I bear light shade for the leaves when laid
In their noonday dreams.
From my wings are shaken the dews that waken
The sweet buds every one,
When rocked to rest on their mother's breast,
As she dances about the sun.
I wield the flail of the lashing hail,
And whiten the green plains under,
And then again I dissolve it in rain,
And laugh as I pass in thunder...

I am the daughter of Earth and Water,
And the nursling of the Sky;
I pass through the pores of the ocean and shores;
I change, but I cannot die.
For after the rain when with never a stain
The pavilion of Heaven is bare,
And the winds and sunbeams with their convex gleams
Build up the blue dome of air,
I silently laugh at my own cenotaph,
And out of the caverns of rain,
Like a child from the womb, like a ghost from the tomb,
I arise and unbuild it again.

(1820)

Облако (отрывки)

I

Я влагой свежей морских побережий
Кроплю цветы весной,
Даю прохладу полям и стаду
В полдневный зной.
Крыла раскрою, прольюсь росой,
И вот ростки взошли,
Поникшие сонно на влажное лоно
Кружащейся в пляске Земли.
Я градом хлестну, как цепом по гумну,
И лист побелеет, и колос.
Я теплым дождем рассыплюсь кругом,
И смех мой – грома голос...

VI

Я вздымаюсь из пор океана и гор,
Жизнь дают мне земля и вода.
Постоянства не знаю, вечно облик меняю,
Зато не умру никогда.
Ибо в час после бури, если солнце – в лазури,
Если чист ее синий простор,
Если в небе согретом, создан ветром и светом,
Возникает воздушный собор,
Я смеюсь, уходя из царства дождя,
Я, как тень из могилы, встаю,
Как младенец из чрева, в мир являюсь без гнева
И сметаю гробницу мою.

(Перевод В. Левика)

Ode to a Skylark

(extracts)

Hail to thee, blithe spirit –
Bird thou never wert –
That from heaven or near it
Pourest thy full heart
In profuse strains of unpremeditated art.

Higher still and higher
From the earth thou springest,
Like a cloud of fire;
The blue deep thou wingest,
And singing still dost soar and soaring ever singest.

In the golden lightning
Of the sunken sun,
O'er which clouds are brightening,
Thou dost float and run,
Like an unbodied joy whose race is just begun.

The pale purple even
Melts around thy flight;
Like a star of heaven,
In the broad daylight
Thou art unseen, but yet I hear thy shrill delight...

Like a poet hidden
In the light of thought;
Singing hymns unbidden,
Till the world is wrought
To sympathy with hopes and fears it heeded not...

Better than all measures
Of delightful sound,
Better than all treasures

That in books are found,
Thy skill to poet were, thou scorner of the ground!

Teach me half the gladness
That thy brain must know,
Such harmonious madness
From my lips would flow,
The world should listen then, as I am listening now!
(1820)

Жаворонок
(отрывки)

I

Здравствуй, дух веселый!
Взвившись в высоту,
На поля, на доли,
Где земля в цвету,
Изливай бездумно сердца полноту!

II

К солнцу с трелью звучной,
Искрой огневой!
С небом неразлучный,
Пьяный синевой,
С песней устремляйся и в полете пой!

III

Золотятся нивы,
В пламени восток.
Ты взлетел, счастливый,
От забот далек,
Радости надмирной маленький пророк.

IV

Сквозь туман пурпурный
К небесам родным!
В вышине лазурной,
Как звезда, незрим,
Ты поешь, восторгом полный неземным...

VIII

Ты как бард, который,
Светом мысли скрыт,
Гимны шлет в просторы,
Будит тех, кто спит,
Ждет ли их надежда, страх ли им грозит...

XX

Больше книг, цветущих
Мудростью сердец,
Больше строф поющих

Дар твой чтит певец.
Ты, презревший землю, бардов образец.

XXI

Дай мне эту радость
Хоть на малый срок,
Дай мне блеск и сладость
Сумасшедших строк,
Чтоб, как ты поэта, мир пленить я мог.
(Перевод В. Левика)

* * *

I

When the lamp is shattered
The light in dust lies dead –
When the cloud is scattered
The rainbow's glory is shed.
When the lute is broken,
Sweet tones are remembered not;
When the lips have spoken,
Loved accents are soon forgot.

II

As music and splendour
Survive not the lamp and the lute,
The heart's echoes render
No song when the spirit is mute: –
No song but sad dirges,
Like the wind through a ruined cell,
Or the mournful surges
That ring the dead seaman's knell.

III

When hearts have once mingled
Love first leaves the well-built nest
The weak one is singled
To endure what it once possessed.
O Love! who bewailest
The frailty of all things here,
Why choose you the frailest
For your cradle, your home, and your bier?

IV

Its passions rock thee
As the storms rock the ravens on high;
Bright reason will mock thee,
Like the sun from a wintry sky.
From thy nest every rafter
Will rot, and thine eagle home
Leave thee naked to laughter,
When leaves fall and cold winds come.
(1822)

I

Разобьется лампада,
Не затеплится луч.
Гаснут радуг аркады
В ясных проблесках туч.
Поломавшейся лютни
Кратковременный шум.
Верность слову минутней
Наших клятв наобум.

II

Как непрочны созвучья
И пыланье лампад,
Так в сердцах неживучи
Единенье и лад.
Рознь любивших бездонна,
Как у стен маяка
Звон валов похоронный
Над душой моряка.

III

Минут первые ласки,
И любовь – из гнезда.
Горе жертвам развязки.
Слабый терпит всегда.
Что ж ты плачешь и ноешь,
Что ты, сердце, в тоске?
Не само ли ты строишь
Свой покой на песке?

IV

Ты – добыча блужданий,
Как над глушью болот
Долгой ночью, в тумане,
Птичьей стаи полет.
Будет время, запомни,
На осенней заре
Ты проснешься бездомней
Голых нив в ноябре.

(Перевод Б. Пастернака)

Джон Китс
(John Keats, 1795–1821)

Джон Китс представляет течение лондонских романтиков в английской романтической поэзии. Как и его единомышленники Хэзлитт, Лэм, Хант, поэт считал, что улучшение жизни общества возможно путём проведения социальных реформ. Джон Китс выступал с критикой буржуазных порядков и торийской политики Англии, защищал права личности, высказывал прогрессивные этические и эстетические идеи. В своём творчестве он воспел поэтов и легендарных героев, которые способствовали духовному развитию своих современников и потомков, их нравственному совершенствованию. Одной из главных в поэзии Джона Китса является тема искусства, его назначения. Поэт считает, что искусство помогает понять прекрасное в природе и в жизни человека, оно вечно, так как дарит ощущение красоты и гармонии бытия.

On Peace

Sonnet

O Peace! and dost thou with thy presence bless
The dwellings of this war-surrounded Isle;
Soothing with placid brow our late distress,
Making the triple kingdom brightly smile?
Joyful I hail thy presence; and I hail
The sweet companions that await on thee;
Complete my joy - let not my first wish fail,
Let the sweet mountain nymph thy favourite be,
With England's happiness proclaim Europa's liberty.
O Europe! Let not sceptred tyrants see
That thou must shelter in thy former state;
Keep thy chains burst, and boldly say thou art free;
Give thy kings law – leave not uncurbed the great;
So with the horrors past thou'lt win thy happier fate!
(1814)

К миру

Сонет

Мир! Отгони раздор от наших нив,
Не дай войне опять в наш дом вселиться!
Тройное королевство осенив,
Верни улыбку на живые лица.

Я рад тебе! Я рад соединиться
С товарищами – с теми, кто вдали.
Не порть нам радость! Дай надежде сбыться
И нимфе гор сочувственно внемли.
Как нам – покой, Европе ниспошли
Свободу! Пусть увидят короли,
Что стали прошлым цепи тирании,

Что Вольностью ты стал для всей земли,
И есть Закон – и он согнет их выи.
Так, ужас прекратив, ты счастье дашь впервые.
(Перевод В. Левика)

To Byron

Sonnet

Byron! how sweetly sad thy melody!
Attuning still the soul to tenderness,
As if soft Pity, with unusual stress,
Had touch'd her plaintive lute, and thou, being by,
Hadst caught the tones, nor suffer'd them to die.
O'ershadowing sorrow doth not make thee less
Delightful: thou thy griefs dost dress
With a bright halo, shining beamily,
As when a cloud the golden moon doth veil,
Its sides are ting'd with a resplendent glow,
Through the dark robe oft amber rays prevail,
And like fair veins in sable marble flow;
Still warble, dying swan! still tell the tale,
The enchanting tale, the tale of pleasing woe.

(1814)

К Байрону

Сонет

О Байрон! Песней сладостной печали
Ты к нежности склоняешь все вокруг,
Как будто с арфы, потрясенной вдруг
Сочувствием, рыданья в прах упали,

И чтоб они не смолкли, не пропали,
Ты осторожно поднял каждый звук,
Дал волшебство словам душевных мук,
Явил нам скорбь в сияющем хорале.

Так темной туче отсвет золотой
Дарит луна, идя тропой дозорной,
Так жемчугом блестит убор простой,

Так жилками мерцает мрамор черный.
Пой, лебедь гордый, песнь разлуки пой,
Дай нам упиться грустью благотворной.
(Перевод В. Левика)

To Chatterton
Sonnet

O Chatterton! how very sad thy fate!
Dear child of sorrow – son of misery!
How soon the film of death obscur'd that eye,
Whence Genius mildly falsh'd, and high debate.
How soon that voice, majestic and elate,
Melted in dying numbers! Oh! how nigh
Was night to thy fair morning. Thou didst die
A half-blown flow'ret which cold blasts amate.
But this is past: thou art among the stars
Of highest heaven: to the rolling spheres
Thou sweetly singest: nought thy hymning mars,
Above the ingrate world and human fears.
On earth the good man base detraction bars
From thy fair name, and waters it with tears.
(1815)

К Чаттертону
Сонет

О Чаттертон! О жертва злых гонений!
Дитя нужды и тягостных тревог!
Как рано взор сияющий поблек,
Где мысль играла, где светился гений!

Как рано голос гордых вдохновений
В гармониях предсмертных изнемог!
Твой был восход от смерти недалек,
Цветок, убитый стужей предосенней.

Но все прошло: среди других орбит
Ты сам звездой сияешь лучезарной,
Ты можешь петь, ты выше всех обид

Людской молвы, толпы неблагодарной.
И, слез не скрыв, потомок оградит
Тебя, поэт, от клеветы коварной.

(Перевод В. Левика)

Happy Is England!

Happy is England! I could be content
To see no other verdure than its own;
To feel no other breezes than are blown
Through its tall woods with high romances blent:
Yet do I sometimes feel a languishment
For skies Italian, and an inward groan
To sit upon an Alp as on a throne,
And half forget what world or worldling meant.
Happy is England, sweet her artless daughters;
Enough their simple loveliness for me,
Enough their whitest arms in silence clinging:
Yet do I often warmly burn to see
Beauties of deeper glance, and hear their singing,
And float with them about the summer waters.

(1816)

Как Англия прекрасна!

Как Англия прекрасна! Я готов
Не знать чужих полей, лугов, озер,
Не видеть, как красуется убор
Чужих, воспетых бардами лесов.

Но жажду я порой увидеть кров
Небес Эллады, южных звезд узор,
Хочу взойти на трон Альпийских гор,
Весь мир забыв средь гордых ледников.

Как Англия прекрасна! Нужны мне
Лишь ласки дочерей ее простых,
Лишь теплота их добрых, белых рук.

Но снится мне в мечтаниях ночных
Взгляд черных глаз и канцонетты звук
Над теплым морем ночью при луне.

(Перевод Г. Бена)

On the Grasshopper and Cricket

Sonnet

The poetry of Earth is never dead:
When all the birds are faint with the hot sun,
And hide in cooling trees, a voice will run
From hedge to hedge about the new-mown mead:
That is the Grasshopper's; he takes the lead
In summer luxury; he has never done
With his delights, for when tired out with fun,
He rests at ease beneath some pleasant weed.
The Poetry of Earth is ceasing never:
On a lone winter evening, when the frost
Has wrought a silence, from the stove there shrills
The Cricket's song, in warmth increasing ever,
And seems to one in drowsiness half lost,
The Grasshopper's among some grassy hills.

(1816)

Кузнечик и сверчок

Вовеки не замрет, не прекратится
Поэзия земли. Когда в листве,
От зноя ослабев, умолкнут птицы,
Мы слышим голос в скошенной траве
Кузнечика. Спешит он насладиться
Своим участием в летнем торжестве,
То зазвенит, то снова притаится
И помолчит минуту или две.
Поэзия земли не знает смерти.
Пришла зима. В полях метет метель,
Но вы покою мертвому не верьте.
Трещит сверчок, забившись где-то в щель,
И в ласковом тепле нагретых печек
Нам кажется: в траве звенит кузнечик.
(Перевод С. Маршака)

To Kosciusko

Good Kosciusko, thy great name alone
Is a full harvest whence to reap high feeling;
It comes upon us like the glorious pealing
Of the wide spheres – an everlasting tone.
And now it tells me, that in worlds unknown,
The names of heroes, burst from clouds concealing,
And changed to harmonies, for ever stealing
Through cloudless blue, and round each silver throne.
It tells me too, that on a happy day,
When some good spirit walks upon the earth,
Thy name with Alfred's, and the great of yore
Gently commingling, gives tremendous birth
To a loud hymn, that sounds far, far away
To where the great God lives for evermore.
(1817)

К Костюшко

Костюшко! Меж прославленных имен,
Как дум высоких нива золотая,
Блестит твое, гармониями рая,
Хоралом сфер земной тревожа сон.

И там, из туч прорвавшись в небосклон,
Где имена бессмертные, блистая,
Чаруют слух, как музыка святая,
Где каждому воздвигнут звездный трон,

Оно пророчит, что настанет час
И добрый дух повеет над землей, –
Тогда с мужами древности, с Альфредом

Туда, туда, где правит Бог живой,
Всемирным гимном призовешь ты нас –
К Великому, чей лик еще неведом.

(Перевод В. Левика)

Robin Hood

No! those days are gone away,
And their hours are old and gray,
And their minutes buried all
Under the down-trodden pall
Of the leaves of many years:
Many times have winter's shears,
Frozen North, and chilling East,
Sounded tempests to the feast
Of the forest's whispering fleeces,
Since men knew nor rent nor leases.

No, the bugle sounds no more,
And the twanging bow no more;

Silent is the ivory shrill
Past the heath and up the hill;
There is no mid-forest laugh,
Where lone Echo gives the half
To some wight, amaz'd to hear
Jesting, deep in forest drear.

On the fairest time of June
You may go, with sun or moon,
Or the seven stars to light you,
Or the polar ray to right you;
But you never may behold
Little John, or Robin bold;
Never one, of all the clan,
Thrumming on an empty can
Some old hunting ditty, while
He doth his green way beguile
To fair hostess Merriment,
Down beside the pasture Trent;
For he left the merry tale,
Messenger for spicy ale.

Gone, the merry morris din;
Gone, the song of Gamelyn;
Gone, the tough-belted outlaw
Idling in the "grene shawe";
All are gone away and past!
And if Robin should be cast
Sudden from his turfed grave,
And if Marian should have
Once again her forest days,
She would weep, and he would craze:
He would swear, for all his oaks,
Fall'n beneath the dockyard strokes,
Have rotted on the briny seas;
She would weep that her wild bees

Sang not to her – strange! that honey
Can't be got without hard money!

So it is; yet let us sing
Honour to the old bow-string!
Honour to the bugle-horn!
Honour to the woods unshorn!
Honour to the Lincoln green!
Honour to the archer keen!
Honour to tight little John,
And the horse he rode upon!
Honour to bold Robin Hood,
Sleeping in the underwood!
Honour to maid Marian,
And to all the Sherwood clan!
Though their days have hurried by
Let us two a burden try.

(1818)

Робин Гуд

Дней тех светлых нет как нет.
Каждый час их стар и сед.
Опочили те мгновенья
Под покровом блеклым тленья,
Под листвою многих лет.
Север слал им свой привет.
И сама зима в тумане,
Не платя баронам дани,
Опалив руно древес,
Как барана, стригла лес.

В сумраке листвы зеленой
Не свистеть стреле каленой.
Не поет в дубраве рог.
Вереск вытопан и дрок.

Ни веселия, ни смеха,
На призывы только эхо
Откликается порой,
Насмехаясь надо мной.
Осенью, весной и летом
В полдень и перед рассветом,
Светит солнце ли, звезда ль, –
Все равно безмолвна даль.
Все равно в стране дубравной
Не гуляет Робин славный.
Где ты, коротышка Джон?
Лес в молчанье погружен.
Кто пройдет, стуча по жбану
С песнею через поляну?
Поюлив перед певцом,
Не наполнит жбан пивцом
Разбитная молодница
Или бойкая вдовица.
Нет ни плясок, ни баллад.
Позабыт старинный лад.
Не найти бродяг веселых,
Что гуляли в этих долах.
Если б добрый Робин Гуд
Появился снова тут
Вместе с девой Марианной,
Из могилы встав нежданно,
Он сломал бы в гневе лук.
Пни да пни торчат вокруг,
А стволы дубов зеленых –
Щепки в пасти волн соленых.
Не поет в лесах пчела.
Много слез бы пролила
Марианна в роще древней.
Что теперь в любой деревне
Продают за деньги мед,

В толк девица не возьмет.
Так воспой былому славу!

Шервудскую славь дубраву!
Слава шелковой траве!
Слава звонкой тетиве!
Слава рогу! Слава луку!
Слава, слава братцу Туку!
Славься, коротышка Джон,
Погруженный в вечный сон!
Славься, дева Марианна!
Ты – краса лесного клана!
Славься, храбрый Робин Гуд!
Славься, добрый честный люд!
И пускай напев старинный
В чаще прозвучит пустынной!
(Перевод В. Микушевича)

To the Nile

Son of the old Moon-mountains African!
Chief of the Pyramid and Crocodile!
We call thee fruitful, and that very while
A desert fills our seeing's inward span:
Nurse of swart nations since the world began,
Art thou so fruitful? or dost thou beguile
Such men to honour thee, who, worn with toil,
Rest for a space 'twixt Cairo and Decan?
O may dark fancies err! They surely do;
'Tis ignorance that makes a barren waste
Of all beyond itself. Thou dost bedew
Green rushes like our rivers, and dost taste
The pleasant sunrise. Green isles hast thou too,
And to the sea as happily dost haste.

(1818)

К Нилу

Сын старых африканских лунных гор,
Дом крокодилов, область пирамид!

Мы говорим: ты благ и плодовит,
Но лишь одну пустыню видит взор.

Народов смуглых нянька с давних пор,
Ты благостен? Иль твой обманчив вид
Для тех, кого работа тяготит,
Кто до Каира строй могил простер?

Нет, мрачная догадка не права!
Незнанью чудится пустыни тишь
Во всем чужом. Твоя вода жива,

Как наши реки, поишь ты камыш,
И так же омываешь острова,
И к морю так же весело спешишь.

(Перевод В. Рогова)

Written in the cottage in which Burns was born, at Ayr, Scotland

This mortal body of a thousand days
Now fills, O Burns, a space in thine own room,
Where thou didst dream alone on budded bays,
Happy and thoughtless of thy day of doom!

My pulse is warm with thine own barley-bree,
My head is light with pledging a great soul,
My eyes are wondering, and I cannot see,
Fancy is dead and drunken at its goal;

Yet can I stamp my foot upon thy floor,
Yet can I open thy window-sash to find
The meadow thou hast trampled o'er and o'er, —
Yet can I think of thee till thought is blind, —

Yet can I gulp a bumper to thy name, –
O smile among the shades, for this is fame.
(1818)

Стихи, написанные в Шотландии, в домике Роберта Бернса

Прожившему так мало бранных лет,
Мне довелось на час занять собою
Часть комнаты, где славы ждал поэт,
Не знавший, чем расплатится с судьбою.
Ячменный сок волнует кровь мою.
Кружится голова моя от хмеля.
Я счастлив, что с великой тенью пью,
Ошеломлен, своей достигнув цели.
И все же, как подарок, мне дано
Твой дом измерить мерными шагами
И вдруг увидеть, приоткрыв окно,
Твой милый мир с холмами и лугами.
Ах, улыбнись! Ведь это же и есть
Земная слава и земная честь!

(Перевод С. Маршака)

A Thing of Beauty (Endymion)

A thing of beauty is a joy for ever:
Its loveliness increases; it will never
Pass into nothingness; but still will keep
A bower quiet for us, and a sleep
Full of sweet dreams, and health, and quiet breathing.
Therefore, on every morrow, are we wreathing
A flowery band to bind us to the earth,
Spite of despondence, of the inhuman dearth
Of noble natures, of the gloomy days,
Of all the unhealthy and o'er-darkn'd ways

Made for our searching: yes, in spite of all,
Some shape of beauty moves away the pall
From our dark spirits. Such the sun, the moon,
Trees old and young, sprouting a shady boon
For simple sheep; and such are daffodils
With the green world they live in; and clear rills
That for themselves a cooling covert make
'Gainst the hot season; the mid-forest brake,
Rich with a sprinkling of fair musk-rose blooms:
And such too is the grandeur of the dooms
We have imagined for the mighty dead;
An endless fountain of immortal drink,
Pouring unto us from the heaven's brink.

(1818)

* * *

Прекрасное пленяет навсегда.
К нему не остываешь. Никогда
Не впасть ему в ничтожество. Все снова
Нас будет влечь к испытанному крову
С готовым ложем и здоровым сном.
И мы затем цветы в гирлянды вьем,
Чтоб привязаться больше к чернозему
Наперекор томленью и надлому
Высоких душ, унынью вопреки
И дикости, загнавшей в тупики
Исканья наши. Да, назло пороку,
Луч красоты в одно мгновенье ока
Сгоняет с сердца тучи. Таковы
Луна и солнце, шелесты листвы,
Гурты овечьи, таковы нарциссы
В густой траве, где под прикрытьем мыса
Ручьи защиты ищут от жары,
И точно так рассыпаны дары
Лесной гвоздики на лесной поляне.

И таковы великие преданья
О славных мертвых первых дней земли,
Что мы детьми слыхали иль прочли.
(Перевод Б. Пастернака)

Ode On A Grecian Urn

Thou still unravish'd bride of quietness,
Thou foster-child of silence and slow time,
Sylvan historian, who canst thus express
A flowery tale more sweetly than our rhyme:
What leaf-fring'd legend haunts about thy shape
Of deities or mortals, or of both,
In Tempe or the dales of Arcady?
What men or gods are these? What maidens loth?
What mad pursuit? What struggle to escape?
What pipes and timbrels? What wild ecstasy?

Heard melodies are sweet, but those unheard
Are sweeter; therefore, ye soft pipes, play on;
Not to the sensual ear, but, more endear'd,
Pipe to the spirit ditties of no tone:
Fair youth, beneath the trees, thou canst not leave
Thy song, nor ever can those trees be bare;
Bold Lover, never, never canst thou kiss,
Though winning near the goal yet, do not grieve;
She cannot fade, though thou hast not thy bliss,
For ever wilt thou love, and she be fair!

Ah, happy, happy boughs! that cannot shed
Your leaves, nor ever bid the Spring adieu;
And, happy melodist, unwearied,
For ever piping songs for ever new;
More happy love! more happy, happy love!
For ever warm and still to be enjoy'd,
For ever panting, and for ever young;

All breathing human passion far above,
That leaves a heart high-sorrowful and cloy'd,
A burning forehead, and a parching tongue.

Who are these coming to the sacrifice?
To what green altar, O mysterious priest,
Lead'st thou that heifer lowing at the skies,
And all her silken flanks with garlands drest?
What little town by river or sea shore,
Or mountain-built with peaceful citadel,
Is emptied of this folk, this pious morn?
And, little town, thy streets for evermore
Will silent be; and not a soul to tell
Why thou art desolate, can e'er return.

O Attic shape! Fair attitude! with brede
Of marble men and maidens overwrought,
With forest branches and the trodden weed;
Thou, silent form, dost tease us out of thought
As doth eternity: Cold Pastoral!
When old age shall this generation waste,
Thou shalt remain, in midst of other woe
Than ours, a friend to man, to whom thou say'st,
"Beauty is truth, truth beauty, – that is all
Ye know on earth, and all ye need to know."
(1819)

Ода к греческой вазе

Ты цепенел века, глубоко спящий,
Наперсник молчаливой старины
Вечно-зеленый миф! А повесть слаще,
Чем рифмы будничные сны!
Каких цветений шорох долетел?
Людей, богов? Я слышу лишь одно:
Холмов Аркадии звучит напев.

То люди или боги? Все равно...
Погони страх? Борьба упругих тел?
Свирель и бубны? Хороводы дев?

Напевы слушать сладко; а мечтать
О них милей; но пойте вновь, свирели;
Вам не для слуха одного порхать...
Ах, для души теперь они запели:
О юноша! в венке... и не прейдет
Тот гимн – и листья те не опадут;
Пусть ввек не прикоснется поцелуй;
Ты плачешь у меты – она цветет
Всегда прекрасная, но не тоскуй –
Тебе любить в безбрежности минут!

О, этих веток не коснется тлен!
Листы – не унесет вас аквилон!
Счатливый юноша – без перемен
Свирели будет звон и вечный сон;
Любовь твоя блаженна! Вновь и вновь,
Она кипит, в надежде утолить
Свой голод; свежесть чувства не пройдет
А страсть земная отравляет кровь,
Должна печалью сердце истомить,
Иссушит мозг и жаждой изведет.

Что это за толпа, волнуясь, мчит?
На чей алтарь зеленый этот жрец
Ведет теленка? Почему мычит,
Венками разукрашенный телец?
Чей это городок на берегу
И на горе высокий этот вал,
Зачем молитвенный спешит народ?
О этот город, утро на лугу,
И нет здесь никого, кто б рассказал,
Зачем так грустен этот хоровод.

Эллады тень! обвитая листвою
Мужей из мрамора и легких жен,
Зеленым лесом, смятою травой
Ты мучаешь, маня, как вечный сон,
И вечно леденящая мечта!
Но поколение сменится другим,
Ты новым людям будешь вновь сиять —
Не нам. Тогда скажи, благая, им,
«Краса есть правда, правда — красота»,
Земным одно лишь это надо знать.

(Перевод В. Комаровского)

Вальтер Скотт
(Walter Scott, 1771–1832)

Вальтер Скотт внёс большой вклад в развитие исторического романа. В его произведениях своеобразно сочетаются романтический и реалистический методы. Вальтер Скотт соединяет в своём творчестве историческое исследование, философское осмысление событий прошлого и художественное мастерство писателя-романиста. Произведения Вальтера Скотта представляют собой широкую панораму жизни Англии и Шотландии конца XII – начала XIX веков. Автор воспроизводит значительные исторические события, изображает столкновения различных социальных сил, создаёт яркие образы, представляющие эпоху, показывает зависимость судьбы отдельной личности от хода истории. В романе «Айвенго» Вальтер Скотт воссоздаёт картину жизни средневековой Англии конца XII века. Автор изображает средневековье как мрачную эпоху, характерными явлениями которой были безграничный произвол феодалов, бесправие крестьян, бесчеловечные процессы ведьм, жестокие рыцарские турниры.

Ivanhoe

Chapter VIII

...At length, as the Saracenic music of the challengers concluded one of those long and high flourishes with which they had broken the silence of the lists, it was answered by a solitary trumpet, which breathed a note of defiance from the northern extremity. All eyes were turned to see the new champion which these sounds announced, and no sooner were the barriers opened than he paced into the lists. As far as could be judged of a man sheathed in armour, the new adventurer did not greatly exceed the middle size, and seemed to be rather slender than strongly made. His suit of armour was formed of steel, richly inlaid with gold, and the device on his shield was a young oak-tree pulled up by the roots, with the Spanish word *Desdichado*, signifying *Disinherited*. He was mounted on a gallant black horse, and as he passed through the lists he gracefully saluted the Prince and the ladies by lowering his lance. The dexterity with which he managed his steed, and something of youthful grace which he displayed in his manner, won him the favour of the multitude, which some of the lower classes expressed by calling out, "Touch Ralph de Vipont's shield – touch the Hospitallers shield; he has the least sure seat, he is your cheapest bargain."

The champion, moving onward amid these well-meant hints, ascended the platform by the sloping alley which led to it from the lists, and, to the astonishment of all present, riding straight up to the central pavilion, struck with the sharp end of his spear the shield of Brian de Bois-Guilbert until it rung again. All stood astonished at his presumption, but none more than the redoubted Knight whom he had thus defied to mortal combat, and who, little expecting so rude a challenge, was standing carelessly at the door of the pavilion.

"Have you confessed yourself, brother," said the Templar, "and have you heard mass this morning, that you peril your life so frankly?"

"I am fitter to meet death than thou art" answered the *Disinherited Knight*; for by this name the stranger had recorded himself in the books of the tourney.

"Then take your place in the lists," said Bois-Guilbert, "and look your last upon the sun; for this night thou shalt sleep in paradise."

"Gramercy for thy courtesy," replied the Disinherited Knight, "and to requite it, I advise thee to take a fresh horse and a new lance, for by my honour you will need both."

Having expressed himself thus confidently, he reined his horse backward down the slope which he had ascended, and compelled him in the same manner to move backward through the lists, till he reached the northern extremity, where he remained stationary, in expectation of his antagonist. This feat of horsemanship again attracted the applause of the multitude.

However incensed at his adversary for the precautions which he recommended, Brian de Bois-Guilbert did not neglect his advice; for his honour was too nearly concerned, to permit his neglecting any means which might ensure victory over his presumptuous opponent. He changed his horse for a proved and fresh one of great strength and spirit. He chose a new and a tough spear, lest the wood of the former might have been strained in the previous encounters he had sustained. Lastly, he laid aside his shield, which had received some little damage, and received another from his squires. His first had only borne the general device of his rider, representing two knights riding upon one horse, an emblem expressive of the original humility and poverty of the Templars, qualities which they had since exchanged for the arrogance and wealth that finally occasioned their suppression. Bois-Guilbert's new shield bore a raven in full flight, holding in its claws a skull, and bearing the motto, "Gare le Corbeau".

When the two champions stood opposed to each other at the two extremities of the lists, the public expectation was strained to the highest pitch. Few augured the possibility that the encounter could terminate well for the Disinherited Knight, yet his courage and gallantry secured the general good wishes of the spectators.

The trumpets had no sooner given the signal, than the champions vanished from their posts with the speed of lightning, and closed in the centre of the lists with the shock of a thunderbolt. The lances burst into shivers up to the very grasp, and it seemed at the moment that both knights had fallen, for the shock had made each horse recoil backwards upon its haunches. The address of the riders recovered their steeds by use of the bridle and spur; and having glared on each other for an instant with eyes which seemed to flash fire through the bars of their visors, each made a

demi-volte, and, retiring to the extremity of the lists, received a fresh lance from the attendants.

A loud shout from the spectators, waving of scarfs and handkerchiefs, and general acclamations, attested the interest taken by the spectators in this encounter; the most equal, as well as the best performed, which had graced the day. But no sooner had the knights resumed their station, than the clamour of applause was hushed into a silence, so deep and so dead, that it seemed the multitude were afraid even to breathe.

A few minutes pause having been allowed, that the combatants and their horses might recover breath, Prince John with his truncheon signed to the trumpets to sound the onset. The champions a second time sprung from their stations, and closed in the centre of the lists, with the same speed, the same dexterity, the same violence, but not the same equal fortune as before.

In this second encounter, the Templar aimed at the centre of his antagonist's shield, and struck it so fair and forcibly, that his spear went to shivers, and the Disinherited Knight reeled in his saddle. On the other hand, that champion had, in the beginning of his career, directed the point of his lance towards Bois-Guilbert's shield, but, changing his aim almost in the moment of encounter, he addressed it to the helmet, a mark more difficult to hit, but which, if attained, rendered the shock more irresistible. Fair and true he hit the Norman on the visor, where his lance's point kept hold of the bars. Yet, even at this disadvantage, the Templar sustained his high reputation; and had not the girths of his saddle burst, he might not have been unhorsed. As it chanced, however, saddle, horse, and man, rolled on the ground under a cloud of dust.

To extricate himself from the stirrups and fallen steed, was to the Templar scarce the work of a moment; and, stung with madness, both at his disgrace and at the acclamations with which it was hailed by the spectators, he drew his sword and waved it in defiance of his conqueror. The Disinherited Knight sprung from his steed, and also unsheathed his sword. The marshals of the field, however, spurred their horses between them, and reminded them, that the laws of the tournament did not, on the present occasion, permit this species of encounter.

"We shall meet again, I trust," said the Templar, casting a resentful glance at his antagonist; "and where there are none to separate us."

"If we do not," said the Disinherited Knight, "the fault shall not be mine. On foot or horseback, with spear, with axe, or with sword, I am alike ready to encounter thee."

More and angrier words would have been exchanged, but the marshals, crossing their lances betwixt them, compelled them to separate. The Disinherited Knight returned to his first station, and Bois-Guilbert to his tent, where he remained for the rest of the day in an agony of despair.

(1820)

Айвенго

Глава VIII

...Наконец, после того как сарацинские музыканты еще раз сыграли какой-то продолжительный марш, на северном конце арены из-за ограды послышался звук одинокой трубы, означавший вызов. Все взоры обратились в ту сторону, чтобы посмотреть, кто этот новый рыцарь, возвещающий о своем прибытии. Ворота поспешили отпереть, и он въехал на ристалище.

Насколько можно было судить о человеке, закованном в боевые доспехи, новый боец был немногим выше среднего роста и казался скорее хрупкого, чем крепкого телосложения. На нем был стальной панцирь с богатой золотой насечкой; девиз на его щите изображал молодой дуб, вырванный с корнем; под ним была надпись на испанском языке: «Desdichado», что означает «Лишенный наследства». Ехал он на превосходном вороном коне. Проезжая вдоль галерей, он изящным движением склонил копье, приветствуя принца и дам. Ловкость, с которой он управлял конем, и юношеская грация его движений сразу расположили к нему сердца большинства зрителей, и из толпы раздались крики:

- Тронь копьем щит Ральфа де Випонта! Вызывай иоаннита: он не так-то крепок в седле, с ним легче будет сладить!

Сопутствуемый такими благосклонными советами, рыцарь поднялся на пригорок и, к изумлению всех зрителей, приблизившись к среднему шатру, с такой силой ударил острым концом своего копья в щит Бриана де Буагильбера, что тот издал протяжный звон. Все

были крайне удивлены такой смелостью, но больше всех удивился сам грозный рыцарь, получивший вызов на смертный бой. Нисколько не ожидая столь решительного вызова, он в самой непринужденной позе стоял в ту минуту у входа в свой шатер.

– Были ли вы сегодня у исповеди, братец? – сказал он. – Сходили ли к обедне, раз так отважно рискуете своей жизнью?

– Я лучше тебя приготовился к смерти, – отвечал рыцарь Лишенный Наследства, который под этим именем и был занесен в список участников турнира.

– Так ступай, становись на свое место на арене, – сказал де Буагильбер, – да полюбуйся на солнце в последний раз: нынче же вечером ты уснешь в раю.

– Благодарю за предупреждение, – ответил рыцарь Лишенный Наследства. – Прими же и от меня добрый совет: садись на свежую лошадь и бери новое копьё: клянусь честью, они тебе понадобятся.

Сказав это, он заставил свою лошадь задом спуститься с холма и пятиться через всю арену вплоть до северных ворот. Тут он остановился как вкопанный в ожидании своего противника. Удивительное искусство, с которым он управлял конем, снова вызвало громкие похвалы большинства зрителей.

Как ни досадно было де Буагильберу выслушивать советы от своего противника, тем не менее он последовал им в точности: его честь зависела от исхода предстоявшей борьбы, и поэтому он не мог пренебречь ничем, что содействовало бы его успеху. Он приказал подать себе свежую лошадь, сильную и резвую, выбрал новое, крепкое копьё, опасаясь, что древко старого не так уже надежно после предыдущих стычек, и переменял щит, поврежденный в прежних схватках. На первом щите у него была обычная эмблема храмовников – двое рыцарей, едущих на одной лошади, что служило символом смирения и бедности. В действительности вместо этих качеств, считавшихся первоначально необходимыми для храмовников, рыцари Храма в то время отличались надменностью и корыстолюбием, что и послужило поводом к уничтожению их ордена. На новом щите де Буагильбера изображен был летящий ворон, держащий в когтях череп, а под ним надпись: «Берегись ворона».

Когда оба противника, решившие биться насмерть, стали друг против друга на противоположных концах арены, тревожное ожидание зрителей достигло высшего предела. Немногие полагали, чтобы состязание могло окончиться благополучно для рыцаря Лишенного Наследства, но его отвага и смелость расположили большинство зрителей в его пользу.

Как только трубы подали сигнал, оба противника с быстротою молнии ринулись на середину арены и сшиблись с силой громового удара. Их копья разлетелись обломками по самые рукояти, и какое-то мгновение казалось, что оба рыцаря упали, потому что кони под ними взвились на дыбы и попятнулись назад. Однако искусные седоки справились с лошадьми, пустив в ход и шпоры и удила. С минуты они смотрели друг на друга в упор; казалось, взоры их мечут пламя сквозь забрала шлемов; потом, поворотив коней, они поехали каждый в свою сторону и у ворот получили новые копья из рук своих оруженосцев.

Громкие восклицания, возгласы одобрения многочисленных зрителей, которые при этом махали платками и шарфами, доказывали, с каким интересом все следили за этим поединком; впервые в тот день выехали на арену бойцы, столь равные по силе и ловкости. Но как только они снова стали друг против друга, крики и рукоплескания смолкли, народ вокруг ристалища замер, и настала такая глубокая тишина, как будто зрители боялись перевести дыхание.

Дав лошадям и всадникам отдохнуть несколько минут, принц Джон подал знак трубачам играть сигнал к бою. Во второй раз противники помчались на середину ристалища и снова сшиблись с такой же быстротой, такой же силой и ловкостью, но не с равным успехом, как прежде.

На этот раз храмовник метил в самую середину щита своего противника и ударил в него так метко и сильно, что копье разлетелось вдребезги, а рыцарь покачнулся в седле. В свою очередь, Лишенный Наследства, вначале также метивший в щит Буагильбера, в последний момент схватки изменил направление копья и ударил по шлему противника. Это было гораздо труднее, но при удаче удар был почти неотразим. Так оно и случилось, удар пришелся по забралу, а острие копья задело перехват его стальной решетки. Однако

храмовник и тут не потерял присутствия духа и поддержал свою славу. Если б подпруга его седла случайно не лопнула, быть может он и не упал бы. Но вышло так, что седло, конь и всадник рухнули на землю и скрылись в столбе пыли.

Выпутаться из стремян, вылезть из-под упавшей лошади и вскочить на ноги было для храмовника делом одной минуты. Вне себя от ярости, которая увеличивалась от громких и радостных криков зрителей, приветствовавших его падение, он выхватил меч и замахнулся им на своего победителя. Рыцарь Лишенный Наследства соскочил с коня и также обнажил меч. Но маршалы, пришпорив коней, подскакали к ним и напомнили бойцам, что по законам турнира они не имеют права затевать подобный поединок.

– Мы еще встретимся, – сказал храмовник, метнув гневный взгляд на своего противника, – и там, где нам никто не помешает.

– Если встретимся, в том будет не моя вина, – отвечал рыцарь Лишенный Наследства. – Пешим или на коне, копьем ли, секирой или мечом – я всегда готов сразиться с тобой.

Они бы, вероятно, еще долго обменивались гневными речами, если бы маршалы, скрестив копья, не принудили их разойтись. Рыцарь Лишенный Наследства возвратился на свое прежнее место, а Бриан де Буагильбер – в свой шатер, где провел весь остаток дня в гневе и отчаянии.

(Перевод Е. Бекетовой)

Библиографический список

- 1 Байрон Дж. Г. В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет (перевод Игн. Ивановского). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=2566> (дата обращения: 7.06.2019).
- 2 Байрон Дж. Г. Видение Валтасара (перевод О. Чюминой). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=7495> (дата обращения: 7.06.2019).
- 3 Байрон Дж. Г. Гяур (отрывок, перевод С. Ильина). – URL: http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron3_1.txt (дата обращения: 7.06.2019).
- 4 Байрон Дж. Г. Дон Жуан (отрывок, перевод Т. Гнедич). – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/donjuan.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 5 Байрон Дж. Г. Каин (отрывок, перевод И. Бунина). – URL: http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron4_4.txt (дата обращения: 7.06.2019).
- 6 Байрон Дж. Г. Манфред (отрывок, перевод И. Бунина). – URL: http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron4_1.txt (дата обращения: 7.06.2019).
- 7 Байрон Дж. Г. Ода авторам билля, направленного против разрушителей станков (перевод О. Чюминой). – URL: <http://scanpoetry.ru/poetry/13002> (дата обращения: 7.06.2019).
- 8 Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда (отрывок, перевод В. Левика). – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/child.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 9 Байрон Дж. Г. Прометей (перевод В. Луговского). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=108> (дата обращения: 7.06.2019).
- 10 Байрон Дж. Г. Стансы к Августе (перевод В. Левика). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=154> (дата обращения: 7.06.2019).
- 11 Байрон Дж. Г. Тьма (перевод И. Тургенева). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=107> (дата обращения: 7.06.2019).
- 12 Байрон Дж. Г. Хочу я быть ребенком вольным (перевод К. Бальмонта). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=7357> (дата обращения: 7.06.2019).
- 13 Блейк У. Песни Невинности. Маленький трубочист (перевод С. Степанова) – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 7.06.2019).

- 14 Блейк У. Песни Невинности. Святой четверг (перевод С. Степанова) – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 15 Блейк У. Песни Опыта. Маленький трубочист (перевод С. Степанова) – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 16 Блейк У. Песни Опыта. Святой четверг (перевод С. Степанова). – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 17 Блейк У. Песни Опыта. Тигр (перевод С. Степанова). – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 18 Вордсворт У. Англия, 1802 (перевод В. Левика). – URL: <http://eng-poetry.ru/ПоemE.php?PoemId=7630> (дата обращения: 7.06.2019).
- 19 Вордсворт У. Лондон, 1802 (перевод В. Топорова). – URL: <http://eng-poetry.ru/ПоemE.php?PoemId=227> (дата обращения: 7.06.2019).
- 20 Вордсворт У. Люси (перевод С. Маршака и Г. Иванова). – URL: http://www.lib.ru/INOOLD/WORDSWORD_W/wordsworth1_1.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 7.06.2019).
- 21 Вордсворт У. Последний из стада (перевод Ю. Даниэля). – URL: http://lib.ru/INOOLD/WORDSWORD_W/wordsworth1_1.txt (дата обращения: 7.06.2019).
- 22 Вордсворт У. Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства (перевод В. Рогова). – URL: <http://eng-poetry.ru/ПоemE.php?PoemId=7622> (дата обращения: 7.06.2019).
- 23 Вордсворт У. Гуссену Лувертюру (перевод А. Ибрагимова). – URL: <http://eng-poetry.ru/ПоemE.php?PoemId=226> (дата обращения: 7.06.2019).
- 24 Китс Дж. Как Англия прекрасна! (перевод Г. Бена). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=802> (дата обращения: 7.06.2019).
- 25 Китс Дж. К Байрону (перевод В. Левика). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=676> (дата обращения: 7.06.2019).
- 26 Китс Дж. К Костюшко (перевод В. Левика). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=124> (дата обращения: 7.06.2019).
- 27 Китс Дж. К миру (перевод В. Левика). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=4> (дата обращения: 7.06.2019).

- 28 Китс Дж. К Нилу (перевод В. Рогова). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=7564> (дата обращения: 7.06.2019).
- 29 Китс Дж. Кузнечик и сверчок (перевод С. Маршака). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=29> (дата обращения: 7.06.2019).
- 30 Китс Дж. К Чаттертону (перевод В. Левика). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=1808> (дата обращения: 7.06.2019).
- 31 Китс Дж. Ода к греческой вазе (Перевод В. Комаровского). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=1026> (дата обращения: 7.06.2019).
- 32 Китс Дж. Прекрасное пленяет навсегда... (перевод Б. Пастернака). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=125> (дата обращения: 7.06.2019).
- 33 Китс Дж. Робин Гуд (перевод В. Микушевича). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=486> (дата обращения: 7.06.2019).
- 34 Китс Дж. Стихи, написанные в Шотландии, в домике Роберта Бернса (перевод С. Маршака). – URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1017275/1022/Poeziya_angliyskogo_romantizma_XIX_veka.html
- 35 Кольридж С. Т. Поэма о старом моряке. Часть четвертая (перевод Н. Гумилёва). – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Поэма_о_старом_моряке_\(Кольридж/Гумилёв\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Поэма_о_старом_моряке_(Кольридж/Гумилёв)) (дата обращения: 7.06.2019).
- 36 Кольридж С. Т. Франция; Ода (отрывки, перевод М. Лозинского). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=2774> (дата обращения: 7.06.2019).
- 37 Скотт В. Айвенго. Глава VIII (перевод Е. Бекетовой). – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=75957> (дата обращения: 7.06.2019).
- 38 Шелли П. Б. Жаворонок (отрывки, перевод В. Левика). – URL: http://lib.ru/POEZIQ/SHELLY/shelley1_1.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 7.06.2019).
- 39 Шелли П. Б. Изменчивость (перевод В. Левика). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=223> (дата обращения: 7.06.2019).
- 40 Шелли П. Б. Мужам Англии (перевод С. Маршака). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=222> (дата обращения: 7.06.2019).

- 41 Шелли П. Б. Облако (отрывки, перевод В. Левика). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=747> (дата обращения: 7.06.2019).
- 42 Шелли П. Б. Ода западному ветру (отрывки, перевод Б. Пастернака). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=306> (дата обращения: 7.06.2019).
- 43 Шелли П. Б. Разобьется лампада... (перевод Б. Пастернака). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/ПоemE.php?ПоemId=4265> (дата обращения: 7.06.2019).
- 44 Byron G. G. An ode to the framers of the frame bill. – URL: <http://www.flashpointmag.com/byframe.htm> (дата обращения: 7.06.2019).
- 45 Byron G. G. Cain (extract). – URL: <http://www.searchengine.org.uk/ebooks/18/38.pdf> (дата обращения: 7.06.2019).
- 46 Byron G. G. Childe Harold's Pilgrimage (extract). – URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/5131?msg=welcome_stranger (дата обращения: 7.06.2019).
- 47 Byron G. G. Darkness. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=107> (дата обращения: 7.06.2019).
- 48 Byron G. G. Don Juan (extract). – URL: <https://liteka.ru/english/library/55-don-juan> (дата обращения: 7.06.2019).
- 49 Byron G. G. I would I were a careless child. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=7357> (дата обращения: 7.06.2019).
- 50 Byron G. G. Manfred (extract). – URL: https://en.wikisource.org/wiki/Manfred,_a_dramatic_poem (дата обращения: 7.06.2019).
- 51 Byron G. G. On This Day I Complete My Thirty-Sixth Year. – URL: <http://www.eng-poetry.ru/ПоemE.php?ПоemId=2566> (дата обращения: 7.06.2019).
- 52 Byron G. G. Prometheus. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=108> (дата обращения: 7.06.2019).
- 53 Byron G. G. Stanzas To Augusta. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=6414> (дата обращения: 7.06.2019).
- 54 Byron G. G. The Giaour (extract). – URL: <https://lingualeo.com/ru/jungle/the-giaour-by-lord-byron-1788-1824-179934#/page/1> (дата обращения: 7.06.2019).
- 55 Byron G. G. Vision of Belshazzar. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=7495> (дата обращения: 7.06.2019).

- 56 Blake W. Songs of Experience. Holy Thursday. – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 57 Blake W. Songs of Experience. The Chimney Sweeper. – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 58 Blake W. Songs of Experience. The Tiger. – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 59 Blake W. Songs of Innocence. Holy Thursday. – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 60 Blake W. Songs of Innocence. The Chimney Sweeper. – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 7.06.2019).
- 61 Coleridge S. T. France: An Ode (extracts). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=2774> (дата обращения: 7.06.2019).
- 62 Coleridge S. T. The Rime of the Ancient Mariner. Part the fourth. – URL: <https://liteka.ru/english/library/365-the-rime-of-the-ancient-mariner> (дата обращения: 7.06.2019).
- 63 Keats J. A Thing of Beauty (Endymion). – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=125> (дата обращения: 7.06.2019).
- 64 Keats J. Happy Is England!. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=802> (дата обращения: 7.06.2019).
- 65 Keats J. Ode On A Grecian Urn. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=1026> (дата обращения: 7.06.2019).
- 66 Keats J. On Peace. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=4> (дата обращения: 7.06.2019).
- 67 Keats J. On the Grasshopper and Cricket. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=29> (дата обращения: 7.06.2019).
- 68 Keats J. Robin Hood. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=486> (дата обращения: 7.06.2019).
- 69 Keats J. To Byron. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=676> (дата обращения: 7.06.2019).
- 70 Keats J. To Chatterton. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=1808> (дата обращения: 7.06.2019).
- 71 Keats J. To Kosciusko. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=124> (дата обращения: 7.06.2019).
- 72 Keats J. To the Nile. – URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?PoemId=7564> (дата обращения: 7.06.2019).
- 73 Keats J. Written in the cottage in which Burns was born, at Ayr, Scotland. – URL: <http://eng-poetry.ru/ПоemE.php?PoemId=4976> (дата обращения: 7.06.2019).

- 74 Scott W. Ivanhoe. Chapter VIII. – URL: <https://liteka.ru/english/library/1011-ivanhoe> (дата обращения: 7.06.2019).
- 75 Shelley P. B. Mutability. – URL: <http://www.eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=223> (дата обращения: 7.06.2019).
- 76 Shelley P. B. Ode to a Skylark (extracts). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=748> (дата обращения: 7.06.2019).
- 77 Shelley P. B. Ode to the West Wind (extracts). – URL: <http://www.eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=306> (дата обращения: 7.06.2019).
- 78 Shelley P. B. The Cloud (extracts). – URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=747> (дата обращения: 7.06.2019).
- 79 Shelley P. B. To The Men Of England. – URL: <http://www.eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=222> (дата обращения: 7.06.2019).
- 80 Shelley P. B. When the lamp is shattered. – URL: <http://www.eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=4265> (дата обращения: 7.06.2019).
- 81 Wordsworth W. Lines Composed a Few Miles above Tintern Abbey. – URL: <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=7622> (дата обращения: 7.06.2019).
- 82 Wordsworth W. London, 1802. – URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=227> (дата обращения: 7.06.2019).
- 83 Wordsworth W. Lucy poems. – URL: http://cola.calpoly.edu/~pmarchba/TEXTS/POETRY/W_Wordsworth/1798_1801_Lucy_poems.pdf (дата обращения: 7.06.2019).
- 84 Wordsworth W. Sonnet Written in London, September, 1802. – URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=7630> (дата обращения: 7.06.2019).
- 85 Wordsworth W. The Last of the Flock. – URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=172> (дата обращения: 7.06.2019).
- 86 Wordsworth W. To Toussaint L'Ouverture. – URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=226> (дата обращения: 7.06.2019).

Учебное издание

Артамонова Татьяна Геннадьевна

ЛИТЕРАТУРА АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА

Хрестоматия

Редактор Н.М. Быкова.

Подписано в печать 21.06.19	Формат 60x84 1/16	Бумага 80 г/см ²
Печать цифровая	Усл. печ. л. 9,00	Уч.-изд. л. 9,00
Заказ 94	Тираж 44	

БИЦ Курганского государственного университета.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.

ISBN 978-5-4217-0489-8

Курганский
государственный
университет

Библиотечно-издательский
центр

65-48-12